

ОНА

ЛЕНА
РУЧЕЙ

БОЛЬШЕ НЕ ТВОЯ

18+

современный любовный роман

Лена Ручей

Она больше не твоя

<https://litres.ru/74665327>

SelfPub; 2026

Аннотация

Звуки, доносившиеся из-за перегородки, не сочетались с осмотром пациентки. Я даже позавидовала девице: у нас мужем так жарко в спальне было только после свадьбы.

Неожиданно услышала хриплый баритон мужчины:

– Потерпите, больная! Доктору необходимо закончить массаж...

"Тимур?!" – ноги сами меня понесли к смотровой.

Увидев за ширмой мужа с медсестрой в красноречивых позах я остолбенела.

– Юля? – вытаращил глаза муж.

– Ты всех так осматриваешь? – спросила, глядя ему в глаза.

– Только самых спелых, – усмехнулся Тимур. – Ты же знаешь, я всегда беру то, что захочу.

#ХЭ обязателен!

Содержание

Глава 1. Воронцов	5
Глава 2. Свиридовы	10
Глава 3. Запах Анюты	15
Глава 4. Воспоминания	21
Глава 5. Подруги	25
Глава 6. Цена пари	30
Глава 7. Непростое решение	36
Глава 8. У каждой своё	40
Глава 9. Методика примирения	44
Глава 10. Вишенка на торте	49
Глава 11. Бесконечный день	55
Глава 12. Прости, котёнок	59
Глава 13. Вредность во благо	63
Глава 14. Розы и чудовище	67
Глава 15. Вечерние посиделки	71
Глава 16. Ни свет, ни заря...	75
Глава 17. Не в своей тарелке	79
Глава 18. Золотые руки	84
Глава 19. Рабочие моменты	88
Глава 20. Свекровь права	93
Глава 21. Угроза	98
Глава 22. Свекровь держит слово	102
Глава 23. Паранойя	108

Глава 24. Птичка в клетке	113
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Лена Ручей

Она больше не твоя

Глава 1. Воронцов

– Свиридова! – дёрнулась я от властного окрика главного, волной разнёсшегося в самые дальние кабинеты клиники. Я встала как вкопанная, закатив глаза и набрав побольше в грудь воздуха "Спокойно, Юля, спокойно. Тебе плохая характеристика вдогонку не нужна. Сейчас тихо обернёшься, мило улыбнёшься... Пусть это хамло порадует. А после работы к свекрови на поклон. Уж лучше в их семейной клинике опыта набираться, чем терпеть этого самодура".

– Слушаю вас, Илья Александрович! – повернулась я к нему фасадом, изображая школьницу не вызубрившую урок.

– Я не понял, почему до сих пор результаты анализов Беловой не лежат у меня на столе? – его и без того смоляные брови чайкой сошлись над переносицей.

– Потому что это не входит в мои обязанности, – едва слышно проблеяла я.

"Порадуйся, удав, что все тебя боятся", – мысленно я показала ему средний палец.

– Анализы – это прямые обязанности медсестры. Сегодня

смена Ольги Васильевны...

– Чья сегодня смена, я в курсе, Свиридова. И должностные обязанности тоже я утверждал и подписывал, – его глаза из коричневых стали чёрными. Я поёжилась.

"Ну зачем я с ним в полемику вступила? Всё одно вывернет так, что ты никто и звать тебя никак", – с тоской подумала я. – На фиг мне что-то здесь доказывать? Доработать смену, и ноги сделать отсюда. Решено!" – на душе полегчало.

– Илья Александрович, поняла – исправлюсь. Сейчас принесу, – лучезарно улыбнулась я ему.

"А что? Мне несложно..."

– Ну вот, другой разговор, – по-отечески проворчал он. – В должностные обязанности моей ассистентки входит следить за всем. А если не умеешь потребовать с сотрудников, делай их работу сама, – стекляшки его очков поймали моё отражение.

"Растерянность мне не к лицу", – отметила я, разглядывая в них себя.

– Или ты думала, что для протеже высокочтимых Свиридовых законы не писаны? – продолжал распекать он меня...

"Ну, сколько же можно? Одно и то же каждый раз. Что ему Свиридовы сделали? Нет, однозначно надо уходить отсюда,

– размышляла я. – Он из меня пока всю кровь не выпьет – не успокоится".

– Свиридова! Ты спишь, что ли? – я вздрогнула, очнувшись от его окрика. – Чтобы одна нога там, другая...

У меня с утра ныла поясница, оповещающая о критических днях. Я и без его придилок чувствовала себя размазанной, а он решил завершить то, что и без него предусмотрено природой. Слёзы были близко, и я едва сдерживала их напор.

На моё счастье, в кармане его халата завибрировал телефон и он недоговорил про другую ногу.

– Слушаю, Артём Игнатьевич! – весело ответил он кому-то, и, тут же забыв про меня, лёгкой походкой отправился в свой кабинет в конце коридора.

– Юль, ты как? – участливо заглянула мне в лицо Марина Владимировна, администратор, а по совместительству кассир и многое другое.

– Никак, – шмыгнула я носом. – Не буду я с этим узурпатором работать... Я девять лет училась, чтобы стать пластическим хирургом, а не девочкой для него на побегушках, – вскинула я вверх глаза часто моргая.

"Не хватало ещё разреветься – будет им потом за чаем тема для разговоров..."

– Понимаю тебя, – покачала та сочувственно головой. – Только, Юль, без обид! Мне-то всё равно, сама понимаешь... Но, если руку на сердце положить, какой ты хирург без практики? Таких дипломов знаешь... Много. А вот чтобы специалистом стать, надо гонор записать подальше и учиться. Повезло тебе. К такому светиле пристроили... У него же руки золотые.

– Да! Устроили! А вам, смотрю, всем здесь, прям жить мешает чувство зависти, что у меня муж из влиятельной семьи, – взорвалась я, прекрасно понимая, что Марина ни при чём. Просто цепная реакция. Та, поджав губы, демонстративно уставилась в монитор компьютера.

"Похоже, уйти, не поссорившись со всеми, у меня не получается".

Я посмотрела на часы: до конца смены оставалось двадцать минут, но отпустит ли Воронцов меня вовремя, было загадкой.

– Прости, Марина, поясница ноет, вот и срываюсь... – постаралась я, хоть как-то оправдать свою несдержанность.

– Выпейте обезболивающее, Юлия Львовна. Все личные проблемы, должны оставаться за пределами клиники. Учтите это, если действительно собираетесь стать специалистом, – отчеканила она, не удостоив меня взглядом.

"Да, ёшкин же королёк!" – мысленно выругалась я, пожа-

лев, что извинилась. У меня что, на лбу написано "Хочу нагоняй! Хочу нравоучений!" – злилась я, направляясь в сестринскую за распечаткой анализов и заранее настраиваясь забрать их молча. Просто взять, и просто отнести. А потом, когда уйду, пусть Воронцов своим сотрудникам сам объясняет их должностные обязанности.

Ольга, медсестра, самозабвенно трещала по телефону, выясняя у кого-то условия проживания в гостевом домике... На вопрос, где анализы Беловой, она лишь указала пальчиком на папку, не сдвинувшись с места. Я, закусив губу, нашла нужную мне распечатку и чтобы не взорваться, поспешила выйти.

Воронцов просматривал карты пациентов. Я положила листки с исследованиями ему на стол и подождала, когда тот оторвётся от бумаг, чтобы сообщить, что собираюсь уйти сегодня вовремя.

– Ну что ещё, Свиридова? – спросил он, не глядя на меня.

"Боже! Дай мне терпения! – взмолилась я безмолвно. – Это насколько же ассистент для него пустое место, что он даже посмотреть на меня времени не находит?"

– Илья Александрович, мне сегодня надо уйти домой... – начала я.

Глава 2. Свиридовы

– Надо – иди. Не задерживаю, – резко ответил он, метнув на меня беглый взгляд так, словно отшил. Я потопталась, прикидывая, это он меня послал? Или отпустил?

– До свидания, – пробормотала я, выходя из кабинета.
– К обходу, чтоб во всех картах были истории прописаны,
– донеслось вдогонку.

"Чёрта с два я тебе всё разнесу, – вспыхнула я, пожалев, что не закрыла дверь на несколько секунд раньше. Ведь обход у него в восемь пятнадцать. А с разноской провозиться надо не менее часа... – И сейчас не сделать – карты у него на столе... Интересно, он отпустит без отработки, или будет измываться надо мной две недели?"

"Ну, всё! Свобода!" – вдохнула я поглубже пряный аромат распустившихся внезапно клейких листочков. Тротуар был усыпан раскрытыми кожурками тополиных почек. Я представила, как сейчас, к моим новеньким лодочкам, которые надела сегодня впервые, сейчас пристанет их столько, что в машине испачкаю коврик. Моя гордость, красненькая KIA, поджидала меня на парковке.

"Чёрт! – с ненавистью посмотрела я на тополь. Моя ласточка была щедро присыпана смоляными оболочками. – Ну что за день такой? Теперь ещё на мойку придётся заезжать... Но сначала к свекрови!"

Мне, конечно, повезло с родителями Тима. Они обожали его, а заодно лучики их любви доставались и мне. Я уважала их профессионализм. Тридцать лет в медицине, это дорогого стоит! И результаты налицо. Конечно, светило там Аркадий Евгеньевич, свёкор: стоматолог, но под руководством жены стал стоматологом-ортопедом. И теперь он один из лучших протезистов в городе.

А Галина Максимовна, талантливый психолог, умело рулит не только в семье, но и в делах клиники. Она умудряется из каждого клиента извлечь выгоду, действуя по правилам "ты мне, я тебе". Сначала меня это шокировало, но Тимур популярно разложил всё по полочкам, и я вынуждена была признать, что Галина Максимовна, трудится во благо не только семьи, но и для улучшения здоровья граждан, создавая условия, когда можно получить квалифицированную помощь специалиста в удобное время и без очередей. Где у врача не сто пятьсот пациентов в коридоре, и он успевает только жалобы записывать, а для каждого столько времени, сколько необходимо для постановки диагноза и рекомендаций...

Вот и Тимур пошёл по стопам родителей. После шести лет вуза, два года в ординатуре и теперь уже год работает в медицинском центре Свиридовых гинекологом.

Меня, конечно, смущало направление его специализации, но он сказал, что мечтает приложить усилия для увеличения рождаемости, которая катастрофически падает в современном обществе. С чем я тоже была согласна. Здоровье сверстников действительно не шло в сравнение с молодёжью середины прошлого века.

Я медленно двигалась в потоке дневных пробок по шоссе Энтузиастов. Навигатор показывал прибытие через десять минут, а я прислушивалась к своим ощущениям и нервничала, что, уходя из клиники в растрёпанных чувствах, забыла подстраховаться. Вспомнила, только выйдя на улицу, и теперь паниковала, что "просижу" светлую юбку. Заглянула в бардачок "О счастье!", обнаружила там начатую пачку прокладок.

У Тима приём уже должен закончиться, там в дамской комнате заодно и поменяю. И мужа порадую, что скоро будем вместе ездить на работу и чаще видеться.

"Династия Свиридовых!" – с гордостью подумала я и вздохнула с облегчением, что приняла, наконец, непростое для себя решение.

Свекровь давно настаивала, чтобы я после ординатуры осталась работать в их клинике, но я, наивная, возжелала самостоятельно карьеру строить. Разослала в разные клиники резюме, потом проходила собеседование... Обрадовалась, когда приняли на должность ассистентки к самому Воронцову! Я о нём и его клинике с современным оборудованием наслушалась ещё, пока проходила ординатуру, но резюме отправила, не надеясь даже, что пригласят на собеседование. Но пригласили. А потом, о Чудо! Я была на седьмом небе от счастья, когда на почту пришло подтверждение, что моя кандидатура одобрена. Шла в первый день на работу, в предвкушении, что оправдаю доверие и когда-нибудь стану не менее знаменита, чем сам Воронцов.

Кто знает, возможно, всё было бы иначе, если бы не вездесущая свекровь...

Я тяжело вздохнула, вспомнив то унижение, когда Воронцов в первый раз высказал своё "фи". Оказалось, меня приняли по просьбе Галины Максимовны.

Я горько усмехнулась. Мои отчаянные попытки построить карьеру самостоятельно, провалились не начавшись.

В центре Свиридовых не было отделения пластической хирургии, разве что пластическая гинекология, но там я буду Никто. "Как, впрочем, и везде... – горько усмехнулась я.

А моя наивная мечта давать возможность попавшим в беду людям возвращать привлекательность, а значит, и качество жизни останется в розовом прошлом. Специализацию пластического хирурга я выбрала после трагедии с сестрой. После ожогов лицо её было сильно обезображено. На пластику тогда в семье денег не было, и Рита замкнулась, уйдя в депрессию, когда её парень не пришёл встречать из больницы. А потом... Её не стало.

Вот тогда и поставила цель достичь таких высот, чтобы самой решать, когда и кому делать операции бесплатно.

Глава 3. Запах Анюты

Выйдя из машины, выгнулась, проверяя, нет ли пятна на юбке и с ужасом заметила кровавый след. "Да Ёшкин же королёк" – простонала я, соображая, что с этим делать. Необходимо было добраться до дамской комнаты в кабинете мужа, чтобы застирать пятно. Хотя мокрый подол, тоже не особо привлекательно будет выглядеть, но не так красноречиво, как Это.

Ничего лучшего не придумала, кроме как перевернуть юбку задом наперёд и прикрыть пятно сумкой.

Как назло, в холле встретила одну за другой бывших сокурсниц, и каждая норовила поговорить. В ужасе, что если срочно не доберусь до заветной комнаты, то масштаб бедствия будет стекать по ногам, я свернула на боковую лестницу и, взбежав на третий этаж, вынырнула как раз возле кабинета с табличкой "врач-гинеколог Свиридов Тимур Аркадьевич".

На всякий случай постучала и, послушав тишину, вошла. В кабинете никого не было. "Видимо, вышел на минуту, раз не запер дверь", – решила я, закрываясь в туалете.

Закончив постирушки, услышала за дверью голоса. Стало

немного не по себе. Вдруг у него пациентка, а я выйду, такая – "Здравствуйте!" Вряд ли это будет этично. Ведь расценки в клинике не для простых смертных.

Не спеша, привела себя в порядок, оттягивая время. Затем, глянув на часы, начала волноваться, что рабочий день Галины Максимовны не безразмерный, а я не предупредила её, что приеду. Осторожно вышла, и, мельком отметив, что раз Тимур за ширмой, значит, осматривает пациентку, уже собралась покинуть кабинет, но в замешательстве остановилась. Звуки, доносившиеся из-за перегородки, не сочетались с осмотром пациентки.

"Неужели практиканты настолько обнаглели, что уже совсем берега попутали?" – возмущённо подумала я, налегая на дверь. Но та оказалась заперта...

Между тем частота шлепков за шторкой нарастала. Девушка в такт блаженно постанывала, и я даже позавидовала ей: у нас так жарко в спальне было только в первые месяцы после свадьбы. Тимур совсем повернулся на своей карьере, и последнее время согласился два раза в неделю дежурить по ночам в стационаре. В остальное время, конечно, усталый отсыпался и ему было не до секса.

– Ещё!... – выдыхала девушка, пока возлюбленный таранил её, двигая вместе с креслом, так что ширма раскачивалась.

Мне было не по себе, словно подслушиваю специально, но не портить же им такой момент покашливанием.

"Скорее бы они там уже завершили", – вздохнула я, глядя на часы, но неожиданно услышала хриплый баритон мужчины:

– Потерпите, больная! Доктору необходимо закончить массаж, через тугой входик, – я остолбенела, вслушиваясь в знакомый голос.

– Тимуурчик, ну опять? – капризно протянула она. – Всс... Потихоньку!... Оу!... Ммм!...

"Тимурчик?..." – под стенания "больной" я с трудом сообщала. От немыслимой догадки ноги стали ватными, но я всё же пошла за ширму. Мне необходимо было прямо сейчас удостовериться, что это ошибка...

Но открывшаяся картина повергла в ещё больший шок: в гинекологическом кресле лежала распластанная его юная медсестричка Аня, держась за края кушетки, а мой Тим со спущенными штанами самозабвенно вколачивал в неё...

– Что... – я не услышала свой голос. Но Аня открыла глаза и в ужасе уставилась на меня. Перестав ойкать, она теперь, ловя пухлыми губками воздух, лишь вздрагивала от толчков моего мужа. Пока я рывками делала вдох, Тим, наконец, поддел её так, что та страдальчески сморщилась, и хрипло хрюкнув, замер подрагивая.

– Ты в своём уме? – наконец, прорезался мой голос, про-

звучавший в полной тишине слишком громко. – Или семенная жидкость в голову ударила настолько, что...

Муж, вздрогнув, обернулся.

– Юля? Ты, что здесь делаешь? – перебил он меня и, не спеша, застегнул ширинку.

– Ассестирую, – нашла я. – За рождаемость в стране, смотрю, радеешь? – заглянула я в глаза мужа, пытаюсь разглядеть там раскаяние. – Это так, значит, ты осматриваешь пациенток? – кивнула я на спрыгнувшую с кресла с непотребными звуками Анюту.

– Только самых сладких, – нагло хохотнул Тимур, ничуть не смущаясь. – Ты же знаешь, я всегда беру то, что захочу, – сейчас его слова прозвучали наиболее цинично. Мне раньше казалось, что это бравада мальчика-мажора. Но при этом, он много раз показывал свои лучшие качества, и я верила, что он не такой, каким рисовал его мой воздыхатель Андрей, когда я приняла настоятельные ухаживания Тима.

– Открой дверь, – сглотнула я комок, мешающий дышать, проследив, как медсестричка, подхватив кружевные трусики, скрылась в туалете.

– Юля, не устраивай истерику, – достал он из кармана ключ и, вставив в замок, встал поперёк, не давая выйти. – Или тоже хочешь здесь попробовать? – ухмыльнулся он, кивнув на ширму. – Так давай. Тебе должно понравиться...

– Открой! – едва сдерживала я себя, чтобы не нахлобу-

чить его сумкой.

– Ладно, давай мириться! – обхватил он меня за плечи и выдохнул в лицо. – Что хочешь? Я сегодня щедрый!

– Убери от меня свои поганые руки, мерзавец! Ненавижу тебя! – я что есть силы оттолкнула его, и, пока открывала дверь, как в замедленной съёмке проследила траекторию его падения на стол. Выскакивая, отметила, что он встал. "Не убился", – равнодушно подумала я и, свернув на лестницу, через ступеньку побежала вниз. На улице перевела дух и только сейчас заметила, что до крови сломала ноготь на большом пальце. Видимо, когда открывала второпях дверь. Меня трясло. Зажала саднящий палец губами и разревелась. Благо посетителей во дворике не было. Всхлипывая, пошла к машине. Сейчас больше всего хотелось уехать отсюда. Куда, неважно...

– Юля! – я сжалась: Тимур догонял. Не оборачиваясь, побежала к своей KIA, но скрыться в ней не успела.

– Да, постой ты! – он ухватил за руку.

– Уйди! Видеть тебя не могу! – дёрнулась я, но он не отпускал.

– Матери не говори. Не надо её расстраивать, – голос его был неожиданно просительный.

– А меня? Про меня ты подумал? – всхлипнула я. – Как ты можешь так поступать со мной?!

– Всё, котёнок, иди ко мне! Хочешь лобстеров? Ты же любишь их, – обнял он меня и потянулся к губам. Я почувство-

вала тошнотворный клубничный запах гигиенической помады. Видно Анютиной.

– Да ты что?! – озверела я, и, оттолкнув его, открыла дверцу машины. – Засунь лобстеров своей шлюшке туда, откуда соскочил! Понятно?! – юркнула я в салон.

– Да пошла ты! Цену тут себе набиваешь... Это ты пока целкой была, вес имела, а теперь, кому ты нужна? Нищесбродка! Где б ты была сейчас, если б не я... – орал он с перекосенным лицом, пока я не захлопнула дверь.

Выезжая со стоянки, заметила, как муж пнул урну возле скамейки, и из той разлетелся подхваченный ветром мусор. Слезы душили, застилая глаза, и поток машин сливался в одну сплошную линию...

Глава 4. Воспоминания

Всё плыло перед глазами. Чтобы успокоиться, выехав на шоссе, почти сразу остановилась, найдя свободное место для парковки. Но не остыла, а наоборот, разревелась с новой силой.

В голове мелькали воспоминания.

В Московский Университет я поступила бесплатно по целевому направлению. Мама хлопотала, крёстная позаботилась, и обоюднo они умудрились убедить главного врача районной больницы, что без меня у них нет шансов на выживание. Для меня так и осталось загадкой, что там они ему наобещали, но направление я получила. И, о счастье, я – студентка! Как иногородней мне предоставили койко-место в общежитии. Подселили к двум девушкам, Светлане и Жанне, с ними мы продолжаем дружить до сих пор. Правда, встречаемся всё реже, но созваниваемся часто.

Света тогда встречалась с Королёвым Глебом. Он тоже учился с нами на курсе. А Тимур был его школьным товарищем. Хотя, я бы их взаимоотношения дружбой назвала с натягом. Парни вечно спорили. Ни по одному вопросу они не имели единое мнение, но ходили везде вместе.

Через Глеба и познакомились с Тимом.

Хотя, я на него с первого раза не запала. Мне тогда приходилось много заниматься, чтобы не отставать от одноклассников, у которых почти на каждый предмет был репетитор в школе. Я же должна была заполнить имеющиеся провалы в знаниях самостоятельно.

Как-то Тим, узнав, что я не иду с ними в кино из-за сдачи зачёта, тут же вызвался мне помочь...

Я первое время вела с ним себя настороженно. Казалось, что такой красивый парень обязательно будет иметь двойное дно...

"Вот, Тим, ты и показал своё истинное лицо", – горько усмехнулась я.

Но тогда, кроме нереально красивой внешности, в нём других недостатков не замечала. Наоборот. Он был соткан из прекрасных манер, и я удивлялась: что он во мне нашёл. Сначала думала, что он хочет просто время провести, поэтому постоянно отшивала его. Но Тим был настойчив, и, вместе с тем, не навязчив. Ему помогло стечение обстоятельств. Мне тогда при нём позвонила мама и попросила срочно приехать. У сестры случился приступ, и она не знала, что делать. У Тимура тогда уже была машина, и он вызвался отвезти меня в Тверь.

Дорога сближает, но не настолько, чтобы я потеряла голову. Я чувствовала его накал и старалась говорить с ним на

общие темы, выводя общение на дружеский уровень. И всё же у него получилось тогда поцеловать меня. Я до сих пор помню те незабываемые ощущения. Но в последний момент смогла вывернуться и убежать. Это было ночью и в лесу. Я затаилась, наблюдая, как он меня ищет. Так и просидела, пока не рассвело. А он в это время ходил по дороге взад-вперёд. Я услышала шум подъезжающего автомобиля и выскочила на трассу голосовать. Тим подбежал ко мне, и вид у него был такой обеспокоенный, что мне даже жалко его стало. Когда попутка остановилась, он переговорил с водителем и тот уехал. Тогда он неожиданно скомандовал мне:

– Садись.

Я ещё немного поломалась для видимости, тогда он почти насильно усадил меня в машину. В тот же день он сделал мне предложение. Притом, всё это он обставил так романтично, что сердце моё растаяло.

Плакать я уже перестала. На душе даже посветлело немного. Но вспомнила сегодняшний кошмар и тяжело вздохнула, понимая, что ошиблась я не сегодня, а тогда...

Заиграла мелодия телефона. Я выудила его из сумочки, уверенная, что это Тим, но ошиблась. Звонила Жанна, вторая моя лучшая подруга.

– Привет, Юльчик! Как там твоё лучше всех? – бодро

спросила она.

– Нормально, – ответила я, завидуя её хорошему настроению.

– Точно? – переспросила она.

– Не знаю, – призналась я.

– Что случилось? – забеспокоилась Жанна. – Твой Ворон продолжает клевать мозг?

– И он тоже, – вздохнула я.

– Да что же из тебя всё надо клещами тащить? – возмутилась она. – Мы давно не виделись, приезжай в кафе "Маэстро" сейчас? Света писала утром в нашем чате, что ждёт там нас... Читала?

– Жанн, вот мне сейчас реально не до чатов...

– Так приедешь? – выжидающе замолчала она.

– Приеду. Минут через сорок, – прикинула я в голове маршрут...

Глава 5. Подруги

– Ну, наконец-то! – встретила меня у входа Жанна. – Смотрю – бежишь. Пошла встретить, чтобы ты тут не заблудилась... Привет, подруга! – обняла она меня, привстав на цыпочки. От неё веяло теплом и уютом. Я немного задержалась в объятиях, смахнув навернувшуюся слезу. – Ну-ну, – легонько похлопала она меня по спине. – Не горюй, Юлька! Помнишь, что мудрец сказал? Всё пройдёт, и Это – тоже. Пойдём! А то Светка весь хлеб там съест, пока нас дожждётся, – попыталась она меня развеселить, но улыбка у меня не получилась.

"Моё "Это" не пройдёт", – вздохнула я, лавируя между столиками.

– Юля, привет! – оторвалась Света от телефона, когда мы подошли. – Ты как всегда, в своём репертуаре... Не опоздать не можешь...

– Свет, ну, что ты начинаешь? – бросилась в мою защиту Жанна. – Что, не видишь, на ней лица нет... Светка что-то хотела огрызнуться, но посмотрев на меня, решила промолчать. По её изменившемуся взгляду можно было догадаться, что лица на мне действительно не осталось.

– Привет, – поздоровалась со Светкой я. – Небесная кан-

целярия решила меня доконать... Сначала кто-то кого-то не пропустил и из-за аварии случилась пробка, а потом долго искала, где оставить машину, – зачем-то принялась оправдываться я, ища взглядом официанта.

– Вы уже сделали заказ? – спросила я.

– Да. Вот меню, – пододвинула ко мне проспект Жанна. – Я пасту заказала, а Света Судака, – водила она пальцем в меню, видно, считала, что я не вижу.

– Спасибо! Жанна, я умею читать, – попыталась пошутить я и ткнула пальцем в блюдо из рыбы, подошедшему ко мне официанту.

– Вот это, пожалуйста. И воду.

– Юль, что стряслось? – спросила Света, подождав, пока тот, приняв заказ, отойдёт.

– Даже не знаю... – покачала я головой, сглатывая комок.

– Ну? Тебя Воронцов уволил, что ли? – округлила голубые, в меру подкрашенные глаза она. – Или что? – помогала Светка мне вопросами.

– Да не... Уволиться я сама собиралась, – отмахнулась я. Проблемы на работе сейчас казались такими незначительными, в сравнении с тем, что происходило с моей семейной жизнью, что я про них даже забыла.

– Зая, не томи! Что из тебя всё выколачивать надо? – поджала Света и без того тонкие губы. – Давай делись. Сообща может, что подскажем тебе.

– Да, Юль, одна голова хорошо, а несколько всё ж больше,
– Жанна придвинулась ближе, навалившись объёмной грудью на стол.

– Да, девчонки, что тут можно придумать, – пожалала я плечами. – муж, кстати, мне тоже сегодня сказал, чтобы я Галину Максимовну своими домыслами не вздумала расстраивать...

– Понятно, значит, ты с Тимуром поссорилась, – подытожила Света. – И чем мистер Самыйкрасивый, – последнее Светка произнесла, ломая голос, – сумел обидеть тебя?

– Обидеть, – фыркнула я, едва сдерживая слёзы. – Он не обидел, он – растоптал... – всхлипнула я, вспоминая увиденное сегодня. – Мои чувства, мою уверенность, наше будущее – всё... Понимаете? Всё! – я в отчаянии спрятала перекошенное лицо в ладони.

– Юль, ты поплачь, легче будет, – услышала я глуховатый голос Жанны.

– Ох-хо-хо! – вздохнула Светка. – Тимур, никак, снова за своё взялся? – задала она странный вопрос.

– Почему "снова"? – уронила я руки на стол, вглядываясь в неё сквозь слёзы. – Что ты имеешь в виду?

– А ты? – отвела в сторону взгляд Светка, явно что-то скрывая.

– Что я? – в раздумье переспросила я, оттягивая время.

Официант принёс приборы и воду. Я налила в стакан, и

выпив залпом, продолжила.

– Зашла сегодня к нему на работу и посмотрела, как он за демографию в стране радуется... Со своей медсестричкой. Вот как так? Ни за что бы не подумала... Сколько приходила к нему, та невинными глазками на меня смотрела: "Юлия Львовна", "Тимур Аркадьевич"... – передразнила я её детский голосок. – Ёшкин королёк! Вот как после этого понимать, кто есть кто? Ведь ни за что бы не подумала на неё. Ладно бы красotka какая наглючая, стервозная... А эта? – Алёнушка из сказки Морозко. Ну как так? – прорвало меня.

– Юль, – тихонько позвала Жанна. – Может, ты ошиблась? Знаешь, сколько случаев таких бывает? Сколько фильмов про это показывают? Семья рушится, люди расходятся... Друг другу не верят. А там, на самом деле, ничего и не было...

– Жанна, спасибо. Я вижу, что ты стараешься его оправдать... Не надо. Я не ошиблась. Понимаешь? Я стояла и смотрела как он "осматривает" её в кресле. Вернее, он говорил: "Потерпите, больная, мне надо сделать массаж через..." Тьфу! Вспоминать тошно... А эта лежит, млеет...

– Юль, ты зашла, а он ей массаж делает?! Ну и что? – Включила логику Светка. – Он же врач — гинеколог. Ты что, к каждой пациентке его ревновать будешь?

– Света! Да какой к чёрту массаж? – всхлипнула снова. –

Я что на идиотку похожа? Я в туалете была там, а он не видел меня и закрылся с ней. Вышла, а там... Одного не понимаю, как он мог?— промокнула салфеткой я, стекающую по щекам, солёную влагу.

— И чего удивляться? — фыркнула Светка. — Да Тимур всегда таким был. Не знаю, как ты повелась на это.

— Не поняла, Света. На что — это? Что ты о нём не договариваешь? — вспылила я.

Глава 6. Цена пари

– На его деньги, – сказала Светка будничным тоном, как само собой разумеющееся.

– Ну, знаешь!... – задохнулась я от негодования. – Вот, значит, какого ты обо мне мнения?... – мне не дал договорить подошедший с заказанными блюдами официант. А жаль! Меня буквально распирало от обиды и гнева. Пока он нас обслуживал, я успела мысленно прокрутить несколько сценариев продолжения, но это не привело к удовлетворению. Наоборот.

– Знаешь, Света, для меня их деньги никогда не стояли на первом месте... – начала я, едва официант отошёл.

– А что же тогда, Юля? – усмехнулась Светка. – Не любовь же...

– А почему о любви ты говоришь с насмешкой? – взвилась я. – Да! Любовь!...

– Какая, на фиг, любовь, Юля? Не надо хоть теперь лапшу на уши нам подвешивать, – скривилась она. Жанна несколько раз пыталась Светку остановить, но ту несло, и на выпученные глаза Жанны она не обращала внимания.

Меня тоже распирало от гнева, но я каким-то задним умом отрешённо наблюдала за всеми, словно сама в этой пе-

репалке не участвовала. Отмечала странности, которые просто мелькали как мысли, но до осознания не доходили. Всё должно было разложиться по нужным полочкам через время. Тогда и вспомнились бы мельчайшие детали, типа кто и что говорил, и как кто смотрел при этом...

– Такая любовь, Света. Земная, – у меня пропал аппетит. Терпуг с овощами был красиво выложен на широкой тарелке, но мне показалось, что запах он источает тошнотворный.

– Да, он поспорил с Королёвым, что переспит с тобой!... Потому и прохожу тебе не давал... – выпалила в сердцах Светка, но, встретив отчаянный взгляд Жанны, осеклась и сникла.

У меня отхлынула от лица кровь, в ушах зазвенело и я, зажав рот ладонью, бросилась в дамскую комнату.

Из-за того, что я ничего не успела поесть, вышла только вода, но некоторое время ещё пришлось повисеть над фаянсовым "другом", содрогаясь от мучительных позывов.

Покинув кабинку, наткнулась на испуганных подруг. Они с траурными лицами подпирали мраморную столешницу возле раковин.

– Юль, ну, что? – вглядывалась в меня Жанна. – Ты, часом, не беременна?

– Нет, слава богу, как раз наоборот, – я открыла воду, и с удовольствием промыв зарёванные неоднократно глаза, ощутила себя настолько опустошённой, что если бы сейчас

узнала, что через минуту мы все погибнем, у меня и тогда, скорее всего, не дрогнула бы ни одна жилка.

– Ну и? – бесстрастным тоном обратилась я к Светке. – Какие ставки были?

– Юль, да какая теперь разница... Прости, не знаю, что на меня нашло сегодня, – начала юлить Светка.

– Нет, дорогая! Сказала А, нечего теперь Б зажимать. Рассказывай! – я продолжала пристально сверлить её взглядом.

– Юля, правда... На фиг тебе сейчас в прошлом копать? – приглушённо проговорила Жанна. – Тебе сейчас покушать надо и отдохнуть...

– Не надо за меня решать, что для меня сейчас лучше, – спокойно отсекла я сочувствие подруги. – Ну?! – повернулась я к Светке. – Кто с кем спорил, и зачем? И, главное, почему ты раньше молчала? – мой голос обрёл металлические нотки.

– Сразу предупреждаю, что я тогда ничего не знала. Глеб после вашей свадьбы по пьяни мне рассказал... – насупилась она.

– Давай, не томи уже, – махнула я рукой на её запоздалые оправдашки.

Светка, прищурившись, смотрела в зеркало, но явно не видела своё отражение, а будто смотрела вдаль.

– Мой Королёв тогда с Тимуром всюду вместе таскались, помнишь? – зачем-то переспросила она.

– И что? – дала ей понять, что прекрасно помню. Не век назад это происходило.

– Ну, мы тогда мой день рождения как раз в кафе отмечали, и ты пришла тоже... Тимурчик тогда и запал на тебя. А Глеб сказал, что ты не по зубам ему. Ну, ты помнишь, Королёв вечно с Тимуром спорил. Меня часто бесило, что у него спор ради спора был... – эмоционально галдя, вошли несколько девушек и, прервав Светино повествование, принялись кружить вокруг нас, заглядывая в зеркало.

– Слушайте, – приложила Жанна руку к груди, – я всё понимаю, но давайте вернёмся к столу. А то официант подумает, что мы ушли не заплатив... Да и удобнее там...

– Пойдём! – согласилась я, и мы друг за другом направились к выходу.

– Короче, – продолжила Светка, когда мы уселись за стол, – Тим начал гнуть пальцы, как обычно, что всегда берёт всё, что захочет. Глеб ему вещал, что ты – батан. Что у тебя миссия и что ты – НЕТАКАЯ. Я думаю, Глеб с ним специально спорил. Поддразнивал. Он сказал Тиму, что тот без своих родителей – ноль без палочки. Тогда, тот взвился и сказал, что своих слов на ветер не бросает, и та фиалка, то есть ты, – она демонстративно показала на меня пальцем, – отдастся ему, как миленькая.

– Так у нас же ничего с ним не было до свадьбы, – про-

говорила растерянно я. Уж больно услышанное звучало чудовищно.

– Вот поэтому он и женился... – прокомментировала Светка. А на следующий день похвастался Глебу, показав селфи. Ты спала у него на плече, а он заснял, чтобы отчитаться, что выиграл пари. Королёв злился тогда. Проигрывать тоже не любил... Кстати. С ними был и Андрей Лопатин... Типа свидетельствовал.

Меня снова начало подташнивать от омерзения.

Андрей пытался ухаживать за мной. Но был слишком застенчивый, и всё время не дотягивал до того, чтобы захотелось с ним встречаться. Мне стало не по себе. Оказывается, он тоже был в курсе чудовищного пари.

– Но Андрей тогда отказался участвовать в их споре, – пояснила Светка, увидев мою реакцию на её слова.

– Отказался, но и не попытался предотвратить, – высказалась я. – Хотя нет! Я помню, как перед нашей свадьбой он стал отговаривать меня. Но посчитала, что он специально наговаривает на Тима, от обиды, что ему взаимностью не ответила... Но он ничего не сказал про спор.

– Ещё бы он сказал, – фыркнула Светка. Он же иногородний... А после учёбы хотел в Москве остаться. Ему с Тимуром ссориться нельзя было. Тот родителям его как специалиста порекомендовал.

"Вот она, цена подлости", – удручённо подумала я.

– И что Тим выиграл у Глеба? – безучастно спросила я.

– Да хрень какую-то, – отмахнулась Светка. – Подвеску в машину.

Я вспомнила эту подвеску. Она появилась в машине на зеркале заднего вида, как раз после нашей свадьбы: куколка шибари, выполненная в виде обнажённой девушки, связанной красной ниткой, словно верёвками.

У меня было чувство, что по мне сегодня прошлась колонна гусеничной техники...

Глава 7. Непростое решение

Я не знала, верить мне Светке или нет, настолько то, что услышала было немыслимо.

– Не понимаю, – у меня сел голос, и я сама себя еле слышала. Прокашлялась. – Не понимаю... – Я потёрла виски, внезапно разболелась голова. – Но я ни разу не замечала его дурного ко мне отношения... Раньше не замечала, – уточнила я. – Не может быть, чтобы человек столько времени прикидывался. Если я ему безразлична, то он давно бы проявил своё отношение ко мне, – вслух рассуждала я.

– Вот потому я и не стала тебе ничего говорить. Мало ли что было до, главное, что потом у вас уже были вполне нормальные отношения, – оживилась Светка. – Сама понимаешь, ну, сказала бы я тебе, и что? Вы бы поссорились, потом ночью помирились, а я крайняя бы осталась. Ещё и от Королёва бы наслушалась про длинный язык...

– Ладно, – прервала я её. – А теперь поясни своё "снова за своё взялся".

– Ну, то и имела в виду, что он до тебя девочек выгуливал только до постели, а потом менял, – ответила Светка. – Когда женился, думала, что за ум взялся, остепенился. Но таких, видно, только не стояк остановить сможет. Так что можешь

собой гордиться...

– Чем гордиться-то? – вздохнула я.

– Как чем? Вон он, как долго с тобой не гулял...

– Или я об этом ничего не знала, – уточнила я.

– И что же теперь делать будешь? – вклинилась в наш разговор Жанна.

– Подам на развод, – твёрдо ответила я.

Хотя до сих пор не была в этом уверена. Мне очень хотелось, чтобы муж смог убедить меня, что такого больше не повторится. Хотя умом понимала, что если он себе такое позволяет, то ничего не изменится. В лучшем случае просто будет более осторожен и я наверняка ничего знать не буду.

Просто буду догадываться.

А это страшнее. Каждый раз, когда муж задержится, будешь накручивать себя, кого он на этот раз массирует.

– Юля, может, не стоит пороть горячку? – прервала поток моих мыслей Светка. – Тебе не восемнадцать уже, чтобы о бабочках в животе мечтать. С ним, вернее, с поддержкой его родителей ты быстро продвинешься в карьере. А без них будешь с хлеба на квас перебиваться. У тебя же, кроме машины, ничего своего нет. Ты же из общаги сразу замуж впорхнула. Ты в курсе, сколько стоит съём жилья в Москве? И что в карьере без знакомств не продвинуться? Ты уверена, что его родители станут тебе помогать, если вы разведётесь? –

напирала она своей практичностью.

– Я, Света, о бабочках в животе забыла давно... Будут ли помогать родители его, не знаю. До сих пор с ними были хорошие отношения, а что будет потом, понятия не имею. Но жить с ним, после всего, что узнала сегодня, не смогу, – в носу снова предательски засвербело от обиды. – Не смогу! Понимаешь?!

– У тебя хоть деньги-то есть свои? Ты же только устроилась на работу... – зашла с другой стороны Света. – Куда ты сейчас пойдёшь? Ну, не хочешь с ним жить, не надо. Прикинься, что обижаешься, потом помирись для вида... Денег подкопи, осмотришься... – советовала она.

– Света, отстань! Это ты с Королёвым живёшь и на свидания бегаешь... Не хочу я так. Хотя он и подло поступил со мной, но сама уподобляться ему не хочу, – в сердцах выпалила я и тут же пожалела, понимая, что наступила на больной мозоль подруги. – Извини, Свет, если обидела. Я не осуждаю тебя, это твоя жизнь. Но сама так не хочу.

– Хорошо. Ты у нас честная и чистая, как слеза, блин! – вспыхнула Светка. – Но, помяни моё слово, уйдёшь – назад не примут... Не пожалей потом. Как говорила известная Скарлетт? "Об этом подумаю завтра!" Не пори горячку – мой тебе дружеский совет.

– Жанна, приютишь меня на одну ночь? – выжидающе посмотрела я на замершую подругу.

– Да хоть на две, – откликнулась та. – Сестра в Питер уехала с подругой на несколько дней, так что, без проблем...

– Спасибо! – благодарно посмотрела я на неё. – Я завтра поищу что-нибудь... Хотя Света права, у меня действительно нет столько денег, чтобы заплатить за аренду вперёд, – задумалась я. – Но ничего, вот как раз об этом я и подумаю утром я.

Неожиданно из сумочки донеслись аккорды мелодии, установленной в телефоне на вызов.

На дисплее высветилось: "Любимый".

Глава 8. У каждой своё

Я помедлила. Разговаривать с мужем после всего, что случилось сегодня, не хотелось. Поэтому сбросила вызов. Но через несколько секунд мелодия прорвалась вновь.

– Да ответь ты... – посоветовала Светка, вытирая салфеткой рот и отодвигая от себя пустую тарелку. – Они же упёртые. Не ответишь, будет звонить до посинения.

– Не сейчас, – ответила я, отключая телефон. – Девочки, вы не против, если уже по домам разойдёмся, что-то мне хочется в душ и в постельку.

Обе уставились на меня.

– Так ты что, домой всё же решила поехать? – переспросила Жанна.

– К тебе домой, – исправилась я.

– Ааа... Сейчас поедem, – она запихнула в рот остатки холодной пасты и развернулась в поисках официанта. Но Света уже поймала его взгляд и жестом позвала. – Раз ты на машине, тогда вместе поедem? – уточнила она.

– Жанна, ну, конечно, вместе, – улыбнулась я на её странный вопрос. – Свет, а ты так и не поговорила с Глебом? – вспомнила я, что встретиться мы хотели, чтобы выслушать её, а не меня. Стало неловко.

– Нет. Не знаю я, как сказать ему об этом. Может лучше прервать беременность? – Светка уже не выглядела такой уверенной, как когда раздавала мне советы. – Но вдруг потом не получится? Мы вон, почти четыре года с ним живём и ни одного залёта.

– А, может, не говорить ничего? Может это его ребёнок? – предположила Жанна.

– Не может, – отрезала Светка. – Жанна, мы же врачи... И друг у него гинеколог... Сумеет понять по срокам. Я же тогда месяц на море зависала, а когда приехала, Глеб уехал. Вряд ли прокатит, что малыш недоношенный родился. Потом, не просто ж так у нас с Королёвым ничего не получалось. Я же поэтому и не предохранялась, думала, что у меня проблемы. И было-то с Гариком пару раз всего... В самом начале отпуска. И нате! – покачала она головой, указывая на крайнее недоумение. – Потом он уехал...

Официант принёс счёт, и мы прервали разговор, дружно открывая сумочки.

– Знаешь, Света, мне кажется, что надо самой определиться, любишь ты Глеба или нет. Если да, то надо как-то поговорить с ним. А нет, тогда уходи. Вы ещё молоды, зачем друг другу жизнь ломать? Я сегодня на собственной шкуре испытала, как это больно, когда тебе изменяет любимый человек. Если Глеб любит тебя, то примет и ребёнка, а нет, то и нет...

Тогда расстанетесь.

– Да? И что, останусь одна с ребёнком? – с вызовом посмотрела она на меня.

– Ты уж выбирай, что тебе дороже, малыш или устроенная жизнь с мужем, – развела я руками. – Подумай. Время ещё есть же?

– Да почти и не осталось, – сникла она.

– Ой, девчонки, как посмотрю на вас, так и замуж неохота, – неожиданно вклинилась в разговор Жанна, и мы со Светкой дружно прыснули.

– Ой, подруга, ты до пенсии у нас в девственницах ходить собираешься? – похлопала её по плечу Света, поднимаясь из-за стола.

– Лучше одной, чем как вы, – пухлые губы Жанны обиженно подрагивали.

– Жанна, да не слушай ты её, когда влюбишься, сама замуж захочешь, вот увидишь... – попыталась я сгладить резкость подруги. – А ты, Света, подумай хорошенько, тебе такое счастье бог дал – ребёночка, а ты раздумашь... Кстати, а Гарик этот твой, в курсе, что ты ждёшь от него малыша? – перевела я взгляд на ожидающую нас Свету.

– Нет. Юля, у нас был мимолётный роман. Он, поди, уже и забыл, как меня зовут... Да и я не знаю о нём ничего. Так что, увы, – развела она руками. – Меня вот совестишь, а сама-то, не торопишься пелёнки стирать, – поддела она меня.

– Так, у нас Тимур "процессом" управляет. Вернее, управ-

лял, – поправилась я. – Говорил, что рано ещё. Надо, чтобы в карьере я преуспела сначала... Заботливый! – последнее я произнесла с сарказмом.

Мы вышли на улицу, вдыхая амбре весны. Уже смеркалось. За день прогретый асфальт отдавал тепло, поэтому в воздухе витали его специфические ароматы, смешанные с запахом молодых листочков.

– Свет, пока. Позвони завтра, что там надумаешь, – махнула я подруге, сворачивая в тупиковый переулок, где оставила машину. Жанна шла за мной.

– Пока! – попрощалась с нами Светка, направляясь к своей Toyota Camry, припаркованной возле кафе.

– Юля, постой! – услышала я требовательный окрик и остолбенела от неожиданности, увидев Тимура.

Глава 9. Методика примирения

– Ехал мимо, смотрю, машина твоя стоит... – проговорил он, подойдя ближе. – Жанна, здравствуй! – кивнул он, выглядывающей из-за меня, подруге.

– Это как так мимо? Там же тупик, – прищурилась, размышляя, как он вообще узнал где я.

"Неужели Светка решила добро причинить и сообщила ему, пока мы в кафе сидели?" – мелькнуло в голове. Жанну подозревать у меня даже в голову не пришло.

– В "Новую поликлинику" заезжал... – пояснил он, мотнув головой в проулок. – А ты что здесь забыла?

– Я здесь с подругами встречалась, – поджала губы я, понимая, что он удачно выкрутился, соврав про поликлинику.

– Пойдём, мне надо поговорить с тобой, – он выразительно посмотрел на меня.

– О чём? Мне кажется, мы уже поговорили сегодня. Не преследуй меня, Тимур, я домой вернусь только за вещами, но не сейчас, – начала я обходить его, направляясь к машине. Но он, схватив меня за руку, резко рванул на себя:

– Не слишком ли ты самостоятельной стала, жена моя? – угрожающе выдохнул он мне в лицо, делая акцент на послед-

них словах. – Я с тобой пока нормально разговариваю... Но если ты не ценишь такого к себе отношения, то могу и по-другому... – его лицо стало жёстким, а синие глаза покрылись ледяной серой дымкой.

– Ты ещё смеешь угрожать мне?! – задыхнулась я от возмущения. – Кажется, не я, а ты сегодня сделал всё, чтобы разрушить наш брак...

– И чем я тебя обидел? А? – смотрел он на меня в упор не мигая. – Пригласил поужинать вечером, так ты предпочитаешь по подругам скакать...

– Не передёргивай! – я почувствовала, что щёки пылают огнём. – Ты изменяешь мне! И это, явно, не первый раз. А я все годы живу в розовых очках, думая, что у нас всё хорошо. Хватит! Я ухожу от тебя. И отпусти мою руку, – гневно прошипела я ему. – Иначе...

– Ох, ты! У моей мышки зубки прорезались? Ну-ну, – усмехнулся он. – Ты едешь со мной. И никакого "иначе" не будет! Жанна, – перевёл он взгляд на замершую подругу, не обращая внимания, милые бранятся, жарче любят... Доедешь сама? – Жанна нерешительно перевела взгляд на меня.

– Нет! Я никуда с тобой не поеду. Жанна, не уходи, я с тобой, – дёрнула руку, пытаюсь высвободиться. – Отпусти! Я закричу!...

– Так, мне надоело! – рыкнул он, заламывая мне руку за спину и, взяв под локоть вторую, подтолкнул в проулок. – Не

беси меня, – зловеще прошептал он в ухо, – иначе узнаешь, каким я бываю в гневе...

Я выгнулась от боли, лихорадочно соображая, что делать. Краем глаза увидела испуганные округлившиеся глаза Жанны и пожалела, что Светка уехала. Уж та бы придумала, как мне помочь. Я хорошо помнила, как в студенчестве пьяная компания девиц зажала меня в туалете на дискотеке, отжимая сумочку, а Светка тогда метнулась за охраной...

Он вёл меня, словно полицейский воришку, надавливая на предплечье. И едва я замедляла шаг, тут же чувствовала в суставе резкую боль.

Впереди, возле частной поликлиники сверкал припаркованный его новенький Subaru Forester. Я поняла, что если он меня сейчас затолкает в машину, то сбежать уже не получится.

Здравым умом я понимала, что он тащит домой с целью помириться, но мне почему-то было страшно.

"Может закричать?" – мелькнуло в голове, но посмотрела, что впереди медленно шла пожилая пара, а навстречу – женщина с коляской. Позади я не видела, был ли кто-нибудь, кто мог вмешаться.

"Так, Юля, успокойся! – скомандовала я себе. – Что может произойти страшного, если ты приедешь с ним домой? Только то, что он начнёт приставать, думая, что если у нас

случится близость, то я тут же растаю и прощу его. Но! Он не знает про женские дни. И, если что, это может сыграть мне на руку. Вряд ли у него хватит ума пачкаться".

Между тем Subaru, мигнув фарами, замерла в ожидании передо мной. Я затрепыхалась:

– Пусти! Я на своей поеду. Мне на работе рано надо быть завтра, – постаралась я придать дрожащему голосу убедительность.

– На такси доедешь, – буркнул он, открывая дверцу и пытаясь впихнуть меня. Но я ногой упёрлась в сиденье, выгибаясь назад. – Не пачкай салон! – рявкнул он, надавливая на заведённую за спину руку.

– Ай! Больно! Пусти, сейчас же! – взвыла я, упираясь из последних сил, но чувствовала, что он сейчас попросту опрокинет меня на сиденье.

– Тимур Аркадьевич, вам помочь? – услышала я позади отвратительно знакомый голос.

– Нет, спасибо, Илья Александрович, – муж разжал пальцы, и я сообразила, что свободна. Резко отскочив в сторону, рванула к своей "ласточке", припаркованной неподалёку. На бегу отыскивая в сумочке ключ, прислушивалась, нет ли шагов погони, но не оборачивалась. Только влетев в салон и провернув ключ в замке зажигания, посмотрела на автомобиль мужа впереди. Воронцов с Тимуром мило беседовали.

Но муж продолжал сверлить меня взглядом. Я облегчённо выдохнула, срываясь с места.

"Вот козлины! Причём оба!" – с ненавистью посмотрела я на них, проносясь мимо.

"Это ж надо! – негодовала я, вспоминая унижительность своего положения, – вместо того, чтобы тряхнуть негодяя, этот жлоб предложил ему помощь" .

Лишь выехав на проспект, смогла перевести дух и, притормозив на светофоре, набрала номер Жанны.

Глава 10. Вишенка на торте

– Юлечка, прости, моя хорошая, – плюхнулась на переднее сиденье Жанна. – Я так растерялась, что не знала, как лучше поступить... Не мешать вам мириться, или что. Твой так зыркнул на меня, когда я только пошла за вами, что я не посмела, – лепетала подруга с придыханием.

– Жанна, да не переживай ты так, – я видела, что на ней лица нет. – Понимаю тебя прекрасно. Сама бы на твоём месте тоже не знала, как поступить... – я с трудом вырулила из-за вплотную припарковавшегося ко мне внедорожника и вклинилась в поток машин.

– Правда? – обрадовалась она. – Фух... А то я уже ноготь сгрызла в страхе, что ты теперь со мной разговаривать не станешь... Ну, сама посуди, что я должна была делать? Ведь он твой муж. И не факт, что вы не помиритесь...

– Не помиримся, – сказала я, сама не веря в то, что говорю и понимая, что слишком отходчивая, чтобы долго злиться.

По идее, если бы муж не наседал на меня резкостью, а наоборот, ходил виноватым, я, скорее всего, долго не продержалась бы в позиции "не влезай, убьёт". Но он вёл себя настолько нагло и агрессивно, что мне легко было удерживаться на волне ненависти к нему.

А для того чтобы не расслабляться, я старательно удерживала в голове картинку, как он сегодня, без тени раскаяния, застёгивал ширинку брюк.

Приняв душ и выслушав за чаем порцию сомнений подруги по поводу соглашаться ли на дополнительную нагрузку, которую ей впаривала заведующая узкими специалистами в поликлинике, или поссориться с ней. Но тогда та будет исподтишка вредничать, и даже, возможно, оставит без медсестры. А одной на приёме сидеть сложно... Я с облегчением слилась в комнатку её сестры и, выключив свет, улеглась в чужую постель, с непривычной подушкой и слишком мягким матрасом.

Почувствовав себя самой несчастной, я снова, который раз за день, пролилась слезами. Мне было горько сознавать, что моё семейное счастье оказалось не чем иным, как миражом.

Весь вечер муж сбрасывал мне sms. Я, щурясь, сквозь слёзы, читала их и недоумевала, почему он не может понять, что сейчас для него же лучше было бы помолчать и дать мне успокоиться.

Первые sms гласили: "Иди домой, я всё прощу..."

Потом: "Не придёшь сегодня, пеняй на себя. Обратно не

приму."

Затем:

"Я долго уговаривать не собираюсь. Не явишься до одиннадцати – приеду к твоей Жанне и пеняй тогда на себя".

После одиннадцати:

"Юля, с огнём играешь... Если ты хочешь меня подразнить – остановись. Со мной так нельзя".

Под пиканье sms, с щемящим от сомнений сердцем, я, уткнувшись в чужую подушку, всё-таки уснула... Проснулась под утро в холодном поту и с бешено колотящимся сердцем. Приснилось, что я зашла в нашу с Тимом спальню, а там, в кровати кишат змеи. Я отступала, а они медленно выползали, преследуя меня. Неожиданно позади услышала шум, оглянулась, а это чёрный ворон. Я заметалась, не зная, куда спрятаться, и... Проснулась.

Уснуть больше не смогла. Заглянув в телефон, обнаружила несколько пропущенных звонков от Тимура и множество sms. Похвалила себя, что выключила вечером звук, понимая, что не выспалась бы совсем.

От посланий осталась в шоке, сделав вывод, что муж всю ночь надирался, опустошая бар с подарочными напитками.

Самые невинные звучали так:

"Ещё пожалеешь", "Где бы ты была сейчас, если бы не я".

Ну и, вишенкой на торте, завершало отчаянное "Нищесбродка из Мухосранска, тебя полы в больнице мыть не возъ-

мут".

Я понимала, что это бред нетрезвого человека, который пытается задеть побольнее. Но чувствовала, что его слова, попадая в самое сердце, разбивают его и бередят рану.

Понимая, что больше поспать не удастся, решила пораньше выехать в клинику, чтобы успеть подготовить карты пациентов к обходу.

Тихонько, чтобы не разбудить Жанну, собралась и вышла, захлопнув дверь.

Сонный город ослепил, отражая оконными витражами многоэтажек лучи только что взошедшего солнца. Я с удовольствием потянулась, наслаждаясь мистерией раннего утра, растворяющего в своей новизне черноту прошлого дня и ночи.

В зарослях черёмухи, дурманом окутывающей округу призывно заливался зяблик, выводя свои трели, а стайка воробьёв копошилась возле скамейки, расклёвывая крошки.

Несмотря на лёгкое плавающее состояние, и клубок засевших в голове проблем, мне хотелось верить, что в моей жизни обязательно, всё наладится. Как? Я старалась сейчас об этом не думать, собираясь решать вопросы по мере их поступления.

По крайней мере, устроиваться в медицинский центр Свиридовых я передумала, понимая, что свекровь вряд ли обрадуется, узнав про наш развод.

А после сегодняшних sms я больше не сомневалась в своём решении расстаться с Тимуром.

Машин в это время было немного. Перебирая в голове рабочие вопросы и переживая, что придётся теперь работать у Воронцова, я долетела до клиники за считанные сорок минут.

"Интересно, охранник спит крепко?" – подумала я, подходя к зданию клиники и вспоминая, что входная дверь сейчас наверняка заперта. Хотела нажать кнопку звонка, но передумала, решив сначала подёргать дверь. На удивление она подалась.

"Видно, Василий Яковлевич ходил дымить и не запер", – подумала я, заходя в холл. Хотела запереть, но тот вышел из своего закутка.

– Доброе утро, Юлия Львовна! – расцвёл он в бодрой улыбке. – А вам-то чего не спится?

– Доброе, Василий Яковлевич! Надо работу доделать. Вчера раньше ушла, не успела, – ответила я. – А что дверь открыта? Забыли закрыть?

– Да с чего бы, – удивился он. – Я и не выходил сегодня. И правда, – он в раздумье потерял ус. – Вы ведь зашли

сейчас как-то...

– Вот об этом я и твержу постоянно, что надо ответственно относиться к своим обязанностям, а не в телефоне зависать в рабочее время! – стремительно вошёл в холл Воронцов.

Мы с охранником замерли, словно преступники, от воя полицейской сирены.

Глава 11. Бесконечный день

– Здравствуйте, Илья Александрович! – синхронно проговорили мы.

– И вам здравствовать, – недовольно откликнулся Воронцов и продолжил. – Василий Петрович, чем вы так заняты были, если даже не заметили, как я вошёл? Получается, так каждый может пройти в клинику беспрепятственно?! – распекал он бедного охранника.

– Так, ить, – развёл тот руками, – вы же своим ключом открыли дверь. Без ключа никто бы не вошёл...

– Может, тогда закроем дверь, и пусть оно так всё стоит? Одного не пойму, а зачем тогда вы здесь? – удавом посмотрел Воронцов на сжавшегося сторожа так, что мне стало жаль бедолагу, но я никак не могла придумать ни слова в его защиту.

– Свиридова, а вы, что встали тут? Или решили у сторожа стажироваться? – вскинул он на меня почти чёрные глаза. – Ваши обязанности на вашем столе приличной стопкой возвышаются... – Закусив губу, я слушала его и пыталась понять, насколько, после вчерашнего, у него изменилось ко мне отношение. Для чего он вчера вмешался? Как расценить его предложение помочь Тимуру? Неужели он был готов по-

мочь ему затолкать меня как кулёк в машину? "Боже! Какой позорище!" – переживала я, чувствуя, как лицо полыхает огнём. – Идите, если хотите успеть подготовить всё вовремя, – вернули меня в реальность его последние слова.

– Илья Александрович, я токо кофе заварить заходил в подсобку. Видно тогда и прошли вы... – услышала я оправдания охранника, когда взбегала по лестнице вверх с тоской размышляя "Как долго я смогу здесь продержаться, чтобы не послать всё к чёрту?"

К восьми пятнадцати разнести данные на пациентов я едва успела. Дежурная медсестра, Валентина Сергеевна, одна создавала такую видимость деятельности, словно пыталась доказать, что способна работать одна за всех. И бог-то с ней. Но она каждый раз приставала ко мне с разными "важными" вопросами, мешая сосредоточиться.

"Нет! Это нормально? Пришла на работу на два с лишним часа раньше, чтобы спокойно поработать. А тут дурдом на выезде!" – злилась я, пытаюсь сконцентрироваться на анамнезе пациентки после очередного "А вы, Юлия Львовна, в курсе, что бельё из прачечной вчера не завезли?", или "А почему Ирина Анатольевна не сдала смену должным образом? Почему я должна за неё пересчитывать?... "

Только я порадовалась, что она, наконец-то начала соби-

раться домой, отстав от меня, как начали приходить работники дневной смены. Каждая забегала, желала доброе утро и спрашивала: "А ты чего так рано?"

С горем пополам я всё же успела заполнить карты к обходу. И, хотя злилась на весь белый свет, про себя прекрасно понимала, что корень всех проблем кроется в моей расколовшейся на части семейной жизни. Все мысли крутились там. А рабочие вопросы, отвлекая, раздражали.

Пялясь в компьютер, думала, что сестра у Жанны не сегодня, так завтра вернётся, и я в их крошечной "малосемейке" буду им сильно мешать. Мне необходимо было погрузиться в поиск жилья, но здесь, в клинике, это было нереально. Поэтому решила, что после работы обязательно займусь поиском вариантов. Второй вопрос, который требовал, чтобы я над ним подумала – это, где найти деньги на предоплату жилья. Слышала, что за съём обычно берут за два месяца вперёд, а это уже получалась приличная сумма. Жанна вчера пообещала, что одолжит на первое время двадцать пять тысяч, но этих денег мне не хватит и близко. Был ещё вариант сходить в бухгалтерию и попросить выписать мне аванс, но вряд ли та сумма сильно поможет...

Благо операций на сегодня назначено не было. Поэтому я тихонько приводила документы в порядок в течение дня, и старалась поменьше попадаться на глаза Воронцову, мечтая, чтобы этот бесконечный день поскорее закончился.

– Юль, ты что такая? Случилось что-то? – участливо спросила Ира, дежурная медсестра, в конце рабочего дня, заметив, что я почти не реагирую на её красочное описание свидания с очередным бойфрендом.

Рассказывать про то, что мне изменяет муж, желания не было, особенно сегодня. Поэтому я сослалась на критические дни.

– А, тогда понятно... – удовлетворил её мой ответ. – А то я подумала, что заболела, раз твой за тобой приехал.

– Какой мой? – опешила я.

– Во даёт! – рассмеялась та. – У тебя их несколько?

Глава 12. Прости, котёнок

– Да, просто... Мы не договаривались, что он подъедет, – отмахнулась я от неё.

– А то я уж подумала, что в тихом омуте сама знаешь, что водится... – весело балагурила Ирина, но я её уже не слушала, размышляя, что делать.

"Если он снова начнёт меня в машину запихивать? Вот весело будет... – расстраивалась я. – Вот потом почешут коллеги языками, пересказывая увиденное с домыслами. Может остаться, не выходить? Работы навалом, разгребу пока. А то завтра две операции у Воронцова, мне не до того будет. Не будет же он бесконечно здесь меня караулить", – размышляла я.

– Ой! Вот балда! – воскликнула, нарочито хлопая себя ладонью по лбу, я, – Домой, такая, собралась, а мне же Воронцов поручил позвонить пациенткам... – Я накинула на себя халат и поспешила к выходу.

– Юля, мужу, главное, позвонить не забудь, а то будет ждать, бедолага, – крикнула мне вслед Ирина.

– Да, спасибо! – обернулась я, закрывая дверь.

В коридоре тихонько подошла к окну, выходящему на

главный вход и стоянку, выискивая взглядом машину мужа. Его Subaru Forester вплотную притёрся к моей KIA, и теперь уйти незамеченной было можно через запасный выход, но без машины. Стекло форточки его авто было опущено и из салона торчал локоть. Муж, видимо, настроился дожидаться меня во что бы то ни стало.

– Юлечка, а вы что, вернулись? – удивлённо вскинула на меня глаза Клавдия Андреевна, вечерняя уборщица.

– Да, вспомнила, что работу срочную не выполнила... Надо доделать, а то завтра операционный день, не до того будет, – пояснила я, проходя в кабинет.

Сразу же включила компьютер и, пока он загружался, достала из ящика стола пилку. Острый край сломанного вчера ногтя ужасно раздражал, цепляясь.

Неожиданно дверь распахнулась, и в кабинет вразвалочку вошёл Воронцов. Он уже переоделся в тёмно-синюю водолазку и стильную кожаную куртку. Если бы я встретила его впервые, то, скорее всего, он бы вызвал интерес. Но увы. Здесь, от его голоса, у меня сразу начинало подёргиваться веко.

– Свиридова, ты, то сбежать с работы норовишь, то расстаться с ней не можешь... Какие-то проблемы? – спросил он, подходя к столу вплотную. Я не успела убрать пилку и

теперь крутила её в руках, не зная, куда засунуть, вытянувшись в кресле, словно струна.

– Неет, – растерянно проблеяла я. – Никаких проблем нет. Просто вспомнила, что завтра операционный день и разности сделать будет некогда.

– Похвально, – процедил он, продолжая нависать над столом. Я нерешительно подняла взгляд и поняла, что он бесцеремонно разглядывает мой раненый палец. – Только не думаю, что женщине стоит во главе ставить работу в ущерб семье. Поэтому выключай, Свиридова, компьютер и отправляйся домой, проговорил он приказным тоном.

Мне ничего другого не оставалось, как последовать его распоряжению. Отключив комп, я направилась в комнату для персонала.

"Вот ведь в каждую дверь нос надо сунуть", – проворчала я про себя, сбрасывая халат и надевая ветровку. Получалось, что без разговора с Тимуром сегодня не обойтись.

Молнией пронеслось в голове, что раз они с Воронцовым знакомы, то, скорее всего, Тим позвонил, чтобы тот меня поскорее домой спровадил.

Единственное успокаивало: коллеги уже успели разойтись, значит, свидетелей скандала не будет.

Воронцов внизу писал что-то в журнале охранника.

– До свидания, – бросила я в никуда и вышла на улицу.

"Чего уж юлить. Лучше сразу расставить знаки препинания в нашем "романе", – рассудила я, направляясь напрямиком к машине, и улыбнулась: "Юля – не юли! "

– Юля! – навстречу с широчайшей улыбкой вышел из машины Тимур с огромным букетом розовых роз в руках. – Прости меня, котёнок...

Глава 13. Вредность во благо

Он протянул мне розы. Нежно-розовые бутоны едва начали раскрываться и выглядели роскошно. Я растерялась. Бросаться таким букетом руки не поднимались, поэтому я их от соблазна убрала за спину.

– Зачем ты приехал? – посмотрела я на него прищурясь.
– Мы, кажется, с тобой уже вчера всё выяснили...

– Юля, нам надо поговорить. Поедем, поужинаем, здесь недалеко хорошее кафе... Садись, – он открыл дверь своего авто.

– Тим, ты напрасно теряешь время, – я осталась стоять на безопасном от него расстоянии. – Я уже сказала тебе, что уйду, и своё решение менять не намерена, – я набралась решимости и твёрдо посмотрела ему в глаза. Но, встретив его, полный отчаяния, тут же отвела в сторону, закусив губу. Сердце неприятно сжалось. Всё же, когда он вёл себя агрессивно, то мне было легче противостоять. А вот сейчас, мне показалось, что он сломлен и раскаивается.

– Юля, сядь в машину, мы просто поговорим, и всё. Не упрячься, – протянул он ко мне руку, делая шаг. – Неужели я прошу слишком много от тебя?

У меня слайдом мелькнуло вчерашнее конвоирование меня в машину и я, моментально среагировав, отпрыгнула на-

зад.

– Не подходи ко мне! Я тебе больше не доверяю! – взвизгнула я отступая. – И не надо меня подкупать розами... Думаешь, я так и буду сквозь розовые очки на тебя смотреть? Хватит! Вчера я, наконец-то, увидела тебя в истинном свете. И то, что увидела, просто чудовищно! Не понимаю, как я все эти годы была настолько слепа, что верила тебе?! – я закусила губу, чувствуя, как слёзы заполняют глаза.

– Юля, то, что вчера произошло... То, что ты увидела, каюсь, это была минута слабости. Девушка давно охмуряла меня. Я видел, но не реагировал на её провокации... А тут она обманом напросилась на осмотр и... Ну, я виноват, поддался. Уверяю, больше такое не повторится. Впредь обещаю, я буду разборчивее, – он снова сделал шаг ко мне. – Дай мне шанс всё исправить... – Его глаза вглядывались в меня настолько искренне, что я диву далась, как в одном человеке уживается столько изворотливости.

– Зачем тебе Нищевродка из Мухосранска, а? Тим! Или ты вновь поспорил на меня?! – выкрикнула я, уже совершенно не думая, что нас могут слышать. Мне сейчас было всё равно. Слёзы сами собой струились по щекам от горького разочарования и обиды, что вся моя семейная благополучная жизнь в одночасье превратилась в прах.

– Юля, я был пьян... Я сам в шоке оттого, что написал тебе ночью. Но пойми, это от отчаяния. Вчера я был сам не

свой, не знал, как поступить, растерялся и вёл себя с тобой грубо. Прости...

– Да? Прости?! Как я могу тебе верить теперь? После всего, что узнала о тебе... Ведь ты и женился на мне, только чтобы выиграть пари... – я смахнула кулаком слёзы, чтобы увидеть его глаза. – Что ж ты замолчал? Ты привык получать всё, что захочешь? Пожалуйста! Но я не вещь! И не рабыня. Я вышла замуж, потому что верила, что ты любишь меня. А ты никого не любишь. Только себя! Оставь меня в покое, и не преследуй больше, – я давно нащупала в кармане ветровки ключ от машины и теперь, нажав на кнопку, сделала шаг к мигнувшей фарами KIA.

– Нет! – он в один прыжок настиг меня, отбросив ненужные ему больше розы. – Нет, я сказал! Ты – моя, – он сделал акцент на "моя" и впился в меня ледяным взглядом. – И это я буду решать, расстаться мне с тобой или нет. А пока ты моя жена, будешь делать то, что я тебе скажу! – он, прижав к машине, заломил мне руку, пытаясь достать из сжатой ладони ключ зажигания. – Дай сюда! Ты слишком много возомнила о себе, дорогая, – он разжал мои пальцы, отбирая ключ. – Садись в машину! – рывкнул он, запирая мою. – Если не хочешь, чтобы я тебя силой туда запихал, – стиснул он мне предплечья железным хватом.

– Пусти, мне больно! – всхлипнула я, безрезультатно пытаясь оттолкнуть его.

– Нет, Тимур Аркадьевич, без моей помощи, смотрю, у вас с женой общаться никак не получается... – неожиданно за спиной мужа возник Воронцов. – Добрый вечер, – протянул он руку. Тим машинально пожал её, отпустив меня. И я тут же отпрыгнула в сторону. – Но! – продолжил Воронцов. – К сожалению, Юлия Львовна не подготовила к завтрашней операции документы, поэтому простите, но я вынужден вызвать её в клинику. Не терплю, когда работники халатно относятся к своим обязанностям...

– Юлия Львовна, вернитесь и распечатайте договора, я не нашёл их в папке с документами, – я не понимала по его взгляду, серьёзно он говорит или нет. Я точно помнила, что положила их в папку ещё утром.

– Простите, Илья Александрович, сейчас сделаю, – направилась я в клинику, но вспомнила про ключ.

– Тимур, дай, пожалуйста, ключи от моей машины, – протянула я руку. Тот скривился, но нехотя вынул их из кармана.

– Юля, не задерживайся, я подожду тебя, – проговорил он еле слышимым голосом.

– Не жди, сама доеду, – в тон ему ответила я, направляясь к главному входу в здание, по пути размышляя, что Воронцов своей вредностью ненароком мне уже второй раз помогает...

Глава 14. Розы и чудовище

Когда подошла к охраннику за ключом, тот посмотрел на меня довольно странно. Я прикинула, видно ли с его точки обзора тот угол стоянки, где мы "общались" с Тимуром. Хотелось надеяться, что нет, иначе мой независимый вид сейчас смотрелся бы жалко.

Не задерживаясь, поднялась на второй этаж и, войдя в ординаторскую, открыла дверцу шкафа, где хранились документы. Скоросшиватель не нашла и задумалась: "Раз Воронцов сказал, что договоров в папке нет, значит, она у него в кабинете?"

Прежде чем снова идти вниз за ключом, на всякий случай надавила на дверь в апартаменты главного. И, внезапно, ввалилась внутрь, не ожидая, что та распахнётся.

– Ой! – ошарашенно уставилась я на восседающего за столом Воронцова. – А вы... как здесь?

– Твоими молитвами, Свиридова! – не удержался он от усмешки. Видимо, мой растерянный вид позабавил его. – Вообще-то, я сегодня собирался поужинать с замечательным человеком, но вынужден, из-за твоего косяка, между прочим, задерживаться.

– Простите, Илья Александрович, я сейчас распечатаю.

Где папка? – на столе у него ничего не было.

Воронцов, подперев рукой подбородок, с интересом молча разглядывал меня, и я почувствовала себя бурундучком в зоопарке.

– А зачем она тебе? – невинно спросил он, помолчав, чем ввёл меня в ступор.

– Так, – развела я руками, – вы же сами сказали, что договора не распечатаны...

– Я, Свиридова, в очередной раз убеждаюсь, что, кроме высшего образования, хорошо бы иметь среднюю сообразительность... Это не я сказал, если что, – поднял он вверх указательный палец. – Или память подводит? Так, вроде рановато ещё...

– Ничего не подводит, – вспыхнула я. – Просто вы так уверенно отчитывали меня, что я поверила вам, а не своей памяти.

– Ладно, не суетись. А то, ишь, как понесло... – взмахнул он рукой, по-барски осаживая меня. – Что-то у тебя не вытанцовывается в семейной жизни, Свиридова. Твои взбрыки на работе не отразятся? Смотри... А то может, лучше пару дней отдохнёшь и решишь свои проблемы? Я не могу допустить, чтобы мой ассистент в клинике думал не о том, как сделать поставленную задачу лучше, а о личных отношениях. Понимаешь, либо ты будешь гореть здесь, чтобы я не пожалел, что мне тебя всучили в ассистенты, либо гори в се-

мье, но тогда там и оставайся, раз не можешь переключаться и отдаваться работе без остатка, – он встал и, засунув руки в карманы брюк, прошёлся по кабинету. Остановился возле окна и, вытянув голову, заглянул в сторону стоянки машин. – Стоит твой, ждёт... – прокомментировал он. – Ну, так что скажешь? – в упор уставился он на меня. Я почувствовала себя школьницей в кабинете директора.

Послать его не могла: он, по сути, был прав. Уйти тоже не могла: с Тимуром встречаться – себе дороже. И стоять так – было ещё то испытание.

– Илья Александрович, а можно я останусь, поработаю и... – я закусила подрагивающую губу. Не хватало ещё разреветься сейчас. – И поработаю ночью в стационаре, например?

– Что ещё за причуды? Завтра ты мне нужна на операции. Не выспишься. Какой толк от тебя будет? – фыркнул он. – Ты домой не хочешь идти из-за ссоры с мужем?

– Просто хочу поработать, – уклонилась я от ответа.

– Ну-ну. Работящая. Иди. Уехал Тимур Аркадьевич... На этот раз не дождался, – усмехнулся он. А я, бросив через плечо "До свидания", кинулась из кабинета, переживая, как бы тот ни надумал вернуться. – Ты эксперименты проводишь над ним, что ли? Нащупываешь крайнюю точку кипения? – догнали меня слова Воронцова уже в коридоре.

Сдав охраннику ключ от кабинета, нерешительно вышла на улицу озираясь. Мне казалось, что муж схитрил и ждёт

где-нибудь так, чтобы не видно было из окон.

Но нигде его машину не заметила и направилась к своей KIA. Подойдя, едва не наступила на рассыпанные возле дверцы розы. Теперь, чтобы попасть в салон, мне надо было либо собрать их, либо пройти по ним.

"Вот же, чудовище! – раздражённо подумала я. – И как же я за три года ни разу в твоём лице эту харю-то не заметила?"

Подняла цветы и, покрутившись, куда поставить, не нашла ничего подходящего. Подумав, что бутоны от прикосновений мужа грязнее не стали, положила их на заднее сиденье и села за руль, переключаясь в мыслях на то, что пока доберусь до Жанны, от вечера ничего не останется.

Глава 15. Вечерние посиделки

Возле дома Жанны, оставила на стоянке машину и отправилась в супермаркет. До него здесь было рукой подать. Бабулька возле пешеходного перехода продавала веточки цветущей черёмухи.

– Это вам! – положила перед женщиной розы. Та вскинула брови, от растерянности потеряв дар речи, а я с улыбкой пошла дальше.

– Спасибо! – крикнула та вдогонку.

"Ну вот, пристроила цветочки", – удовлетворённо выдохнула я, сосредотачиваясь на том, что необходимо купить.

По идее, мне нужно было забрать свои вещи из дома. Но днём, пока Тимур на работе, я тоже была в клинике. А вечером, при нём, в квартиру заходить не хотелось. Понимала, что если он не стеснялся на улице выкручивать мне руки, то за закрытой дверью он тем более церемониться не станет. Мне теперь было страшно оставаться с ним наедине. Если он понял, что моё намерение уйти от него не шантаж, а обдуманное решение, то кто знает, что он ещё может выкинуть...

Поэтому надо было придумать, как попасть в квартиру в его отсутствие.

"Может, и в самом деле, взять пару дней отгула? – размышляла я, направляясь в отдел белья в супермаркете. –

Хоть вещи заберу и квартиру попробую найти. Скорее всего, придётся искать за МКАД, вряд ли я потяну жильё близко от клиники. Ну, да ничего... Жанна, вон, полтора часа до работы добирается, и я не сахарная. Придётся чем-то жертвовать", – оптимистично уговаривала я себя, перебирая коробки с трусиками и выискивая свой размер.

Купив всё по составленному в обед списку, к Жанне добралась уже около девяти. В квартире гремела музыка, и меня это удивило. Подруга не была любителем рока.

– Привет, Юль, проходи! – встретила меня Жанна в прихожей. – Кира приехала. Сидят там с подружкой... Сейчас попрошу музыку потише сделать, – она метнулась к комнате сестры.

Я разулась и прошла в кухню, размышляя, что буду делать дальше.

Музыку, наконец, сделали потише.

– Молодо-зелено, – смущённо улыбнулась Жанна, входя в кухню. – Ты голодная? Девчонки пришли и всё "подмели"...

– Я вареники купила с картошкой, сварю? – спросила я, чувствуя себя лишней.

– Конечно! Что спрашиваешь-то? – удивилась та. – Давай, я поставлю, а ты иди пока в душ. Устала поди за целый день... Там халат, в котором ты вчера ходила, за дверью висит и полотенце рядом... Тебе сколько штук сварить?

– Пятнадцать. Себе тоже сварю...

– Я, вообще-то, поужинала, когда пришла. Но вареники давно не ела, пожалуй, не откажусь за компанию, – согласилась она.

– Жанна, я понимаю, что стесняю тебя, но мне сегодня некуда уйти... Могу на коврике поспать, – грустно пошутила я, запахнув потуже халат и усаживаясь возле окна на табурет.

– Да что ты, в самом деле? Какой коврик? Раскладушка есть, – рассмеялась та. – У меня тут вечно кто-нибудь из мелких родственников поступать приезжает и первое время на ней ютится. Так что, не выдумывай. В тесноте, как говорится, да не в обиде... Садись, кушать будем.

– Спасибо. А то мне и правда неловко, – невесело улыбнулась я. – Фух! Так хорошо в душе постояла... Слушай, мне бы блузку постирать, но, боюсь, что к утру не высохнет... Если что, поделишься одежкой?

– Не вопрос. Выбирай, что подойдёт... – кивнула она в сторону шкафа в прихожей, раскладывая по тарелкам вареники. – А что с Тимуром? Не звонил?

– Ой, Жан, не спрашивай... Он не звонил. Он сам заявился и ждал возле клиники.

– И что? Не помирились? – поставила она тарелки на стол и села напротив.

– Я с ним мириться не собираюсь! Сказала же, что ухожу от него, – фыркнула я.

– Знаешь, Юля, моя мама чуть не каждый месяц от отца

уходила. А потом жалела его и возвращалась. Поэтому и переспрашиваю... Так он приехал, и что? – вернулась она к началу разговора.

– Да ничего. Начал за здоровье: "Прости, котёнок". А закончил, как обычно – показав свиное рыло. Благо Воронцов рядом оказался и попросил вернуться распечатать документы. Иначе этот мерзавец меня запихал бы в машину.

– Ой... – покачала она головой, прикрыв ладонью рот. – Юль, я, вот, не понимаю, если он такой... Грубый. То, как ты с ним раньше-то жила? Это же деспот какой-то!

– Вот и я не знаю, – пожалала я плечами. – Привыкла, что он говорил назидательно, но мне нравилось даже, что муж всё решает. Бывало, правда, иногда, когда ссорились, он... Эмм... – я не знала, как объяснить незамужней подруге такие подробности. – В общем, он потом вредничал. У меня же денег своих не было. Он сам бросал мне их на карту... А после ссор продукты покупать прекращал и карточку у меня забирал.

– И ты это терпела? – удивилась она.

– Знаешь, после ссор, он умел всё вывернуть так, чтобы я чувствовала себя виноватой. И мне действительно со временем казалось, что я всё придумала...

– И что, потом? – посмотрела она так, словно не узнавала меня.

– Ну, что потом, – меня передёрнуло от воспоминаний. – Воспитывал.

Глава 16. Ни свет, ни заря...

Раскладушка у Жанны была нормальная, почти не провисшая, но стояла под окном, и я ощущала поток сквозняка. Закрыть фрамугу не решалась. Комната была небольшая и Жанна, видимо, привыкла спать с открытым проветриванием.

Пришлось накрыться чуть не с головой. Проснулась ночью вся мокрая. Но когда попыталась откинуть одеяло, почувствовала, что в шею дует. Так и промучилась до утра.

Встала первая. Тихонько сходила в душ, проверила, высохла ли блузка. Та, конечно же, оставалась влажной. Но вчера я у Жанны присмотрела тоненькую серо-голубую водолазку, классно подошедшую под цвет моих глаз, поэтому утром смело натянула её на себя и выпив чашку чая с приготовленным с вечера бутербродом, выскользнула из квартиры, переживая, что возможно мешаю девчонкам спать своими сборами.

"Всё, сегодня в обед посмотрю объявления о сдаче внаём жилья. Хватит стеснять подругу..." – размышляла я, выезжая со стоянки. Из динамиков ненавязчиво лилась песенка о любви, а я вспоминала наш вчерашний разговор с подругой.

Жанна была в шоке оттого, что я ей рассказала. Наивная простота. Я ей поведала лишь маленькую толику того, как

Тимур воспитывал во мне "послушную" жену.

И то, что мой телефон был для него равно общий, это тоже было нормой. Меня в начале наших отношений это шокировало, но муж удивлённо спросил тогда: "А у тебя что, есть от мужа секреты?" Мне стало неловко. Я понятия не имела, как поступать правильно. У мамы телефон валялся где попало, но ни у кого ума не хватало заглядывать в него. А Тимур на любой звуковой сигнал, возвещающий об sms или сообщении ВКонтакте, устремлялся к нему так, словно это сообщение пришло на его телефон. Для меня же его гаджеты были табу. Но я и сама не стремилась заглядывать туда. Было неприятно, словно берёшь без спроса чужое.

В сексуальных пристрастиях у мужа были излюбленные позы, в которых мне было некомфортно и он, зная, что мне это не нравится, не принуждал. Но когда злился, после ссор, то каждый раз молча прихватывал ремнём мне запястья, крепя руки к спинке кровати над головой. В принципе, в фильмах показывали сцены и более жёсткие, но я каждый раз в таком положении чувствовала себя пленницей, и мне было страшно. Возможно, из-за того, что я дёргалась, потом на запястьях оставались синяки, которые приходилось прятать под браслетами.

Даже от воспоминаний у меня начиналась паника. Поэтому я старалась не злить мужа понапрасну. Но вот сцену измены я молча принять не смогла. В один миг у меня словно

пелена с глаз упала, и я увидела мужа в истинном, не украшающем его свете.

В клинику приехала раньше на целый час, поэтому успела прогуляться в сквере, прежде чем занырнуть в обычную рабочую суету. Возвращаясь к зданию заметила сдающий задом белый Volkswagen Воронцова и замедлила шаг. Не хотелось прямо сейчас напороться на его язвительные замечания.

Но он, выйдя из машины, входить в здание не спешил.

Подождать, когда он уйдёт было негде, поэтому не прибавляя шага медленно приближалась, исподволь разглядывая его волевое, смуглое лицо в обрамлении короткой бородки. Он, свесив стильно подстриженную голову на грудь, что-то внимательно разглядывал в телефоне, забавно шевеля при этом слегка оттопыренной нижней губой. В клинике я привыкла видеть Воронцова вечно всем недовольным, властным бирюком. Поэтому никогда не задумывалась сколько ему лет. Воспринимала его как человека солидного, состоявшегося в карьере. Сейчас же, бросилось в глаза, что он совсем нестарый. В этой коричневой куртке из тонкой кожи, накинутой на тёмно-синюю водолазку, под которой угадывались наросты мышц, Воронцов смотрелся брутально.

Он неожиданно оторвал взгляд от телефона и посмотрел в упор на меня.

Я, вспыхнув, отвела взгляд. Стало неловко: "Юля, ты ещё

с мужем не развелась, а уже пялишься на мужиков!" – укорила я себя. Но тут же нашла себе оправдание, что раньше видела в Воронцове только изъяны характера.

"Получается, он видел, что я его разглядываю?" – расстроилась я, поднимаясь по ступеням.

– Здравствуйте, Илья Александрович, – поприветствовала я его, пытаюсь обойти.

– Доброе утро, Свиридова, – откликнулся он. – Странно ты на работу пробираешься: машина слева стоит, а сама вынырываешь с правой стороны. Ты что, бессонницей страдаешь? На работу ни свет ни заря попадаешь каждый день.

– А вы? – неожиданно для самой себя, с вызовом спросила я.

– А у меня здесь, Свиридова, дело жизни, – он с интересом посмотрел на меня, изогнув бровь дугой. – А вот когда молодые, невыспавшиеся особы гуляют на рассвете вокруг работы – это странно.

Глава 17. Не в своей тарелке

– Жаворонок я, – постаралась я выдержать его вечный словесный снобизм.

– Жаворонки по утрам бодрые. А у тебя глаз не видно, – отчеканил он, нагло разглядывая меня в упор. Я почувствовала, как запылало лицо и уши. – Ты всего ничего у меня работаешь. Профессиональные качества я пока твои не разглядел, а вот личные проблемы плещут через край. Ничего не хочешь сказать?

– Мои проблемы на работе не отразятся, Илья Александрович, – у меня свербило в носу. "Не хватало ещё у этого удава на сочувствие напрашиваться", – злилась я на его дошность, и, сделав шаг в сторону, прошмыгнула мимо него.

Часы в холле указывали, что минут через двадцать начнут приходить работники. Я, взяв ключ, бегом взлетела на второй этаж, собираясь успеть до всех, переодеться и попить кофе, чтобы не выслушивать подобное ещё и от коллег.

"Так! Всё хорошо, Юля. Ночь темнее всего перед рассветом. Значит, скоро снимешь квартиру, оформишь развод и... – взбадривала я себя переодеваясь. Что "и" мне пока было сложно представить, и это меня мучило. Казалось, что ес-

ли я не вижу ясно своё будущее, то так и буду девочкой на побегушках. – И стану пластическим хирургом!" – со скрипом завершила я слайд будущего. Эта цель была единственной, которую я сейчас могла ясно представить. Всё остальное с трудом прорисовывалось и не имело чётких очертаний.

Я не представляла, где буду жить. С работой тоже всё было весьма зыбко. Казалось, что Воронцов специально меня тестировал, решая для себя, насколько я слабое звено в выстроенной им системе. Он радел за свою клинику и моя растерянность в последние дни его явно не устраивала. Переживала, что если он увидит меня чуждым элементом в коллективе, то, скорее всего, найдёт причину уволить, – я направилась в комнату отдыха для сотрудников, которую в междусобойчике называли "кухонька". Там была установлена кофеварочная машина, микроволновка и "буфет" – шкафчик с посудой и остатками вкусняшек к чаю. Я рассчитывала, что коллеги с ночной смены пока заняты, а дневные ещё не пришли. Хотелось попить кофе в тишине и собраться с мыслями, в каком порядке разбирать узел проблем. Понимала, что прежде чем получу развод, Тимур мне ещё не раз устроит такую встречу, как вчера.

В задумчивости вошла в кухоньку и растерялась. Кофемашина уже работала, а возле неё возвышался Воронцов, демонстрируя свою широкую спину. Я тихонько, пока он не

обернувшись, сделала шаг назад, собираясь выйти в коридор незамеченной, но не тут-то было.

– Садись, Свиридова, кофе почти готов, – проговорил он не оборачиваясь.

"Вроде бы на затылке глаз нет, – растерялась я, понимая, что незамеченной уйти уже не получится. – Не человек, а демон какой-то, – поёжилась я, послушно усаживаясь за столик возле окна. Мне нравилось сидеть здесь. Из окна был виден кусочек тротуара и шоссе в просветах между ветвей деревьев-великанов, покрытых зеленоватой дымкой пробивающихся молодых листочков. Контраст постоянства крон и хаотичного движения людского потока и машин завораживало. Летом, когда листва распустится, городская суета будет полностью скрыта за их вершинами, а сейчас можно было отключиться от всего и просто наблюдать за ним, как за течением реки.

– У тебя мистическая способность всё время куда-то улетать, Свиридова. Надеюсь, кофе испить ты вернёшься? – пророкотал Воронцов над ухом. Амбре кофе и пряностей уже давно дразнил моё обоняние, но я специально не оборачивалась.

"А у вас, Илья Александрович, дрянная манера всё время высмеивать меня", – фыркнула я про себя, отворачиваясь от

окна. Воронцов уселся напротив и пододвинул ко мне чашку, из которой топорщилась пенка с изображением панды.

– Как это у вас получилось? – вскинула я на него удивлённый взгляд.

– Нуу... Панда сам явился, я тут ни при чём, – тень улыбки на мгновение осветила его угрюмое лицо и тут же затерялась на дне непроницаемых глаз.

– Спасибо! – искренне поблагодарила я его приняхиваясь. – Ммм... Корица, имбирь... Что ещё?

– Попробуй. Мне интересно, поймёшь или нет, – кивнул он на чашку, делая глоток из своей. Я на секунду зависла, наблюдая, как он слизывает пенку с аккуратных, на вид жёстких усов, но вовремя спохватилась и, опустив взгляд, пригубила молочную прослойку.

– Кардамон? – вслух задумалась я.

– Совершенно верно! – откликнулся он. – И как?

– Интересное сочетание, – с удовольствием отхлебнула я из чашки, следя за тем, чтобы не испачкаться. – А я иногда перец добавляю...

– Я тоже с перцем люблю, – поддержал беседу он. – А когда холодно, то и красный использую. Не пробовала?

– Нет. Красный не пробовала, – помотала головой я, прислушиваясь к голосам в коридоре.

"Скорее бы уже кто-нибудь пришёл сюда", – думала я,

изнывая от компании Воронцова. Кофе был поистине изысканный, и я, если бы была сейчас одна, то наслаждалась бы его вкусом. Но в присутствии Воронцова чувствовала себя не в своей тарелке. Казалось, что он в кухоньке заполнил собой всё пространство, поэтому чудилось, что воздух сейчас может закончиться.

Глава 18. Золотые руки

– Проснулась? – Воронцов щёлкнул пальцами перед лицом, и я, вздрогнув, ткнулась носом в пенку. – Ах-ха-хах! – раскатисто залился смехом он, вставая из-за стола. – Видимо, не совсем... Допивай кофе, и через, – он вскинул руку, посмотрев на свои стильные дорогие часы, – пятнадцать минут выдвигаемся на обход.

Он вымыл чашку, и, опрокинув её на сушилку, бодро вышел из кухоньки. А я, вытерев нос салфеткой, вздохнула, что снова "примерила" костюм клоуна. Я не относилась к людям, у которых были проблемы с чувством юмора, но всё же, неприятно, когда именно ты постоянно даёшь повод другим повеселиться.

Но кофе действительно возымел нужное действие. Входя в ординаторскую, я почувствовала себя живой и энергичной. В голове просветлело, и личные невзгоды отошли на совсем дальний план. Заглянула в планер, в который я всегда в конце работы набрасывала план на утро и в голове сразу выстроилась цепочка последовательности рабочих моментов.

До обхода я ещё успевала просмотреть карты пациенток, чтобы понимать, что у них, и как с температурой и кровяным

давлением.

– Доброе утро, Юлия Львовна! – заглянула в кабинет санитарка Настя с комичной фамилией Маленькая. Парадокс был в том, что девушка имела габариты великанши, поэтому фамилия в её случае звучала как насмешка. Но улыбку такое сочетание вызывало только в самый первый раз. Потом, познакомившись с ней поближе, все начинали проникаться к девушке симпатией. Настя была добрейшим, безобидным человеком, с патологической потребностью везде и всем быть полезной.

– Доброе, Настя. А что, разве сегодня твоя смена? – удивилась я, вспомнив, что девушка писала заявление на отгулы и собиралась уехать к родственникам на несколько дней.

– Теперь моя, – показала она ровные белые зубы в улыбке. – Галина Спиридоновна не сможет за меня поработать. У неё внук заболел.

– При чём здесь внук? – не поняла я. – У внука есть родители... А ты же за неё работала в праздничные дни.

– Родители мальчика заняты. У них работа ответственная, – вздохнула она.

– Это где же она такая ответственная? – фыркнула я. – Дочь вроде бы самозанятая, на дому работает. Настя, если ты будешь позволять, то тебе на шею сядут и поедут, – поучала я её, хотя понимала, что сама такая же. Тоже не особо получается за себя постоять.

– Да, ладно. Я в другой раз съезжу. Хотя у тёти юбилей и она, конечно, меня ждала... – мелькнула на её щекастом лице грусть и погасла. – Юлия Львовна, я, вот, хотела предложить, давайте, пока вы будете на операциях, я окошки помою здесь?

Я оглянулась на тусклые стёкла.

– Только "За", – подняла я вверх руку. – Можешь хоть сейчас приступить. Ты мне не мешаешь. Настя, несмотря на свой рост и вес, была настолько подвижной, что когда я оглянулась, то её уже в кабинете не было. Я пожала плечами, надеясь, что мне она не привиделась.

На обходы с Воронцовым мне ходить нравилось. Он умудрялся каждой пациентке задать правильные вопросы, пошутить и сказать что-нибудь приятное. А те, с заклеенными и забинтованными частями лиц смотрели на него с обожанием.

Мне даже было обидно. Воронцов, оказывается, умел быть душкой.

"Тогда почему же меня он постоянно гнобит", – размышляла я, вовремя подсовывая ему нужную карту пациента.

Во время операций я обычно стояла и наблюдала. Про се-

бя я свою занятость с усмешкой называла "сталкер". Но на самом деле посмотреть было на что. И, несмотря на то что Воронцов меня бесил своим снобизмом, во время операций я смотрела на его руки с восхищением. И если не кривить душой, то с выражением "руки золотые" про него, я была полностью согласна, хотя и обижало его недоверие. Я во время ординатуры в клинике Свиридовых часто ассистировала хирургам, а Воронцов, за почти месяц, ни разу не разрешил помогать ему.

И вот сегодня, гора, наконец, сдвинулась...

Воронцов предупредил, чтобы я готовилась.

Сегодня хирургическая медсестра заболела, и я должна буду её заменить. От волнения у меня зачастило сердце и чтобы успокоиться, я решила использовать перерыв продуктивно. Заглянула на сайт Авито, чтобы сориентироваться по ценам на съём жилья, и на вибрацию входящего звонка среагировала не сразу.

На дисплее высветилось: "Свекровь". Я замерла, решая ответить или перезвонить. Но решила, что избегать разговора не стоит. Галина Максимовна занятой человек и лучше переговорить сразу. Тем более что она мне ничего плохого не сделала.

Глава 19. Рабочие моменты

– Алло. Здравствуйте, Галина Максимовна! – ответила я на входящий.

– Юля, здравствуй, – поприветствовала свекровь сдержанно. – Нам надо с тобой встретиться, – перешла она сразу к делу. – Ты во сколько заканчиваешь работу сегодня?

– Эээ... – помедлила я. – Точно не могу сказать. Всё зависит от начальства, – ответила я напрягшись.

– Тогда давай в восемнадцать часов в кафе "Пушкинъ" на Тверском бульваре. Мне в том районе надо быть по делам клиники, и я думаю, что к шести освобожусь, – проговорила она чётко, словно отдавала распоряжение своему секретарю. Раньше меня её категоричность не трогала, но сейчас, после ссор с Тимуром, как-то задело.

– Галина Максимовна, но я действительно не знаю, во сколько освобожусь, – я постаралась говорить без тени раздражения. – Мой график работы полностью зависит от Ильи Александровича.

– Это не твоя проблема, я с ним договорюсь, – я представила, как она отмахнулась сейчас от меня, как от мухи.

– Хорошо. Если Воронцов отпустит вовремя, я приду, – согласилась я.

– Тогда до вечера, – ответила та, и первая сбросила вызов.

"Интересно, я когда-нибудь, доживу до того статуса, когда сама буду вот так отдавать распоряжения?" – задумалась я, отключая в телефоне звук. Пора было идти, готовиться к операции.

Настроение у меня, несмотря на звонок свекрови, было приподнятым. Я рассчитывала, что Воронцов сегодня обязательно заметит и отметит мои профессиональные навыки и затем станет чаще разрешать ассистировать ему. А в дальнейшем... Я зажмурилась от радужных надежд: возможно, позволит и самой оперировать. Ведь я же хирург. А хирург обязательно должен на практике оттачивать свои навыки.

– Юлия, ты сегодня вместо Марины? – возник рядом Вадим Котов, анестезиолог.

– Ну, если ты про её отсутствие, то – да, – ответила я ему.

– Давай-давай! Давно пора. А то смотреть на тебя больно: стоишь, вечно, как бесприданница... – усмехнулся он. – Не знаю, чего Ворон на тебя взелся? – осторожно прощупывал почву он. Я посмотрела в его невинно-голубые глаза и подумала: "Тебе, Вадюша, только фамилия в точку дана, а всё остальное, как с чужого плеча."

Котов полностью оправдывал свою фамилию, и между собой женская часть коллектива звала его – Котяра. Но выгля-

дел он, словно Ангел со старинной открытки, такой же розовощёкий блондин с милыми кудряшками.

– С чего ты взял, что Илья Александрович на меня взъелся? – я закончила отмывать руки и теперь ждала, когда мне Лена, медсестра, натянет перчатки.

– Ой, Юлька, не зазнавайся, тебе не идёт, – хмыкнул он, выразительно подмигнув при этом. – Я же с поддержкой, а ты колючки сразу выставила. Я слышал, что ты решила стать свободной? – без перехода, в лоб спросил он. Я опешила. Ни с кем на работе я вроде бы не делилась своими семейными неурядицами.

"Неужели Воронцов такое трепло?" – обомлела я от своей догадки, в которую верить не хотелось. Несмотря на то, что он был деспотичен, к его образу хотелось присматриваться. И такое определение с ним как-то не вязалось.

– Если я соберусь стать свободной, то ты, Вадик, в списке новых претендентов будешь последним, – пробормотала я, не глядя на него.

– Зря ты так, Юлия Львовна. Со мной лучше дружить... – прищурился он, но спохватился, и тут же расплылся в широчайшей улыбке. – Не хочешь любви большой и чистой? А то, смотри, может, передумаешь? Я пока свободен...

– Ой, ну и пустозвон ты, Вадим Вячеславович, – покачала я головой. – Иди уже... Там пациентка без тебя не уснёт.

– Вот что за насмешка судьбы? Да, Леночка? – пристал он к вошедшей медсестре.

– Не знаю. О чём вы, Вадим Вячеславович? – переспросила та.

– Для мужчины важно, чтобы женщине с ним было не до сна, а специфика моей деятельности, как раз наоборот. Вот ведь парадокс... – деланно вздохнул он.

– Ну, так, сами выбирали, – не поняла она его каламбур.

– Ладно, девчата, заболтался я с вами, мне и правда надо даму погладить и отключить. – он скрылся за дверью. Мы с Леной натянули перчатки и направились следом, в операционный зал.

Воронцов беседовал с пациенткой, ещё раз показывая ей снимок её носа, в три "D" изображении.

– Здравствуйте, – улыбнулась я той, подходя ближе. – Не волнуйтесь, через четыре недели ваш нос станет предметом зависти подруг. – я оценила точность, с которой Воронцов проставил разметку на лице женщины.

– Скажите, пожалуйста, а после операции, как долго отёк будет держаться? – обратилась та к нему. И Воронцов обстоятельно проговорил ей все сроки реабилитации, с улыбкой называя её "миледи".

Я стала помогать медсестре готовить инструмент и оборудование, а сама исподтишка наблюдала за ними. С паци-

енткой наше Светило был сама любезность. А когда Вадим начал вводить наркоз, Воронцов стоял рядом и ободряюще придерживал побледневшую женщину за руку.

После того как она заснула, всё пошло своим чередом в обычном режиме, только теперь я не со стороны наблюдала за процессом, а сама в нём участвовала. Жаль только, что на месте медсестры, мне совсем не пришлось проявить себя, а я так на это рассчитывала.

Но зато всё прошло без, ставших регулярными, происшествий и это вдохновляло.

Глава 20. Свекровь права

Припарковать машину удалось только на Тверской. До кафе Пушкинъ было минут пять ходьбы, и я, не спеша, прогулялась по бульвару.

Ради встречи со свекровью отпрашиваться с работы я не собиралась. Но мне довелось оценить её способность "дружить" со всеми: Воронцов сам заглянул в ординаторскую и оповестил, что мой рабочий день подошёл к концу, хотя на часах было всего шестнадцать тридцать.

До встречи в кафе оставалось целых пятнадцать минут, поэтому я успела постоять возле художников, с интересом наблюдая, как они с лёгкостью схватывают главное в пропорциях. Со стороны казалось, что их руки сами воспроизводят лица.

Ещё, меня повеселила разноцветная массовка туристов. Они беспрестанно фотографировались, и на их фоне я почувствовала себя коренной москвичкой. Меня уже не вдохновляло делать снимки на каждом шагу. Но в первый год, когда приехала учиться, тоже с жадностью обходила исторические места и снимала всё подряд. Но потом заметила, что эмоциональное насыщение в моменте самое важное, оно

оставалось в памяти, а фото я потом никогда не пересматривала. Поэтому снимки стала делать всё реже и реже.

Посмотрев на часы, прибавила шаг. Свекровь дорожила своим временем и не любила, когда кто-то опаздывал.

Вошла внутрь и, оценив размах кафе-ресторана, растерялась, где здесь её искать. Прежде чем связаться с ней по телефону, решила подняться на второй этаж.

Интуиция не подвела: издали заметила её тщательно уложенную ярко-рыжую стрижку.

– Здравствуйте, Галина Максимовна, – подошла я к столу и села напротив.

– Здравствуй, Юля! А ты – вовремя, – заметила она, посмотрев на часы. – Не ожидала... – к чему была брошена последняя фраза, я не поняла, но уточнять не стала.

Открыла меню и раздражённо подумала, что встретиться можно было и в Шоколаднице, а здесь от цен аппетит пропал разом.

– Ты сделай заказ, я заплачу, – предложила она. Видимо, моя эмоция отразилась на лице.

– Спасибо, не надо. Я покушала в клинике, как раз перед тем, как ушла, поэтому закажу только мороженое, – ответила я, успев заскринить взглядом, что самое дешёвое здесь, это

пирожок с капустой, и фирменное мороженое Пушкинь за двести шестьдесят рублей.

– Как знаешь, – не стала уговаривать она меня и жестом подозвала официанта. Заказала себе салат с морепродуктами и десерт кафе Пушкинь. Я вспомнила, что стоимость этого пирожного больше тысячи и еле сдержалась, чтобы не закатить глаза.

"Видимо, до уровня Галины Максимовны мне как до неба не только в умении договариваться", – подумала я, разглядывая богатое убранство знаменитого ресторана.

Массивные резные шкафы с антикварными книгами, микроскопами, старинными глобусами и прочими атрибутами дворянской усадьбы окружали аккуратные столы со всех сторон. Потолок и стены были украшены замысловатой лепниной.

Я мысленно простила свекровь за то, что назначила встречу в дорогом ресторане. Побывать здесь стоило даже ради интерьера. Скорее всего, и фирменные блюда отведать было бы неплохо, но не сейчас.

– Юля, ты ничего сказать не хочешь? – подала голос свекровь, возвращая меня на землю. Я вздохнула, не зная, с чего начать.

– Галина Максимовна, а вы не пробовали этот вопрос за-

дать сыну? – я выбрала тактику говорить с ней на равных.
– С Тимуром мы уже поговорили, – поджала губы она.
– Ну, так что тогда вы мне вопросы задаёте, раз всё знаете?
– насупилась я.
– Хочу услышать твою версию случившегося, – холодно
ответила та.

Я поёрзала на стуле, не зная, что ответить. Хотя и зла была на Тимура, но кляузничать с детства не любила.

– Я не буду вам ничего пояснять. Что он вам рассказал, того и достаточно, – ответила я и поблагодарила официанта за мороженое. Оно выглядело как эскиммо с глазурью на палочке, правда, выложено было на большом блюде из толстого стекла.

– Юля, сын сказал, что ты дома не ночевала, это правда? – буравила она меня взглядом. В очередной раз я отметила, как они с Тимом похожи. Только черты лица свекрови были более мелкие.

– Правда. Я ушла от него, – прямо ответила я, чтобы не растягивать неприятный разговор до бесконечности.

– Знаешь, у нас с мужем тоже всякое бывало, но у меня никогда бы ума не хватило бегать из семьи, – её щёки порозовели. Я видела, что свекровь злится, но сдерживает себя. – Нельзя так, Юля. Мы приняли тебя. Дали не только фамилию. Оплачивали учёбу, на работу устроили в лучшую кли-

нику без опыта работы, между прочим, – поставила она голосом акцент. – А ты, вот как поступаешь с нами, – её губы подрагивали.

Мне стало не по себе. Ведь она, по сути, была права.

Глава 21. Угроза

Я тронула ложечкой мороженое, собираясь с мыслями. Пришла с обидой на мужа, а теперь оказывается, что я им всем обязана.

Пока слушала претензии и нравоучения свекрови, чувствовала, как пылают огнём щёки. Многое теперь увидела в другом свете. Совсем не так рисовались мне семейные ценности.

Да, я, конечно, пришла в их семью бесприданницей. Но ведь замуж выходила не ради их денег. Я думала, что чувства Тимура искренние и сама ведь влюбились в него тогда. Это сейчас шторка с глаз упала: поняла, что не любовь у него была, а очередная хотелка.

– Галина Максимовна, я не знаю, что вам рассказал про нашу ссору Тим, поэтому хочу прояснить обстоятельства, – перебила я её праведную речь. – Я застала его на любовнице и знаю теперь, что это не единичный случай. Поэтому ушла, и намерена в ближайшее время подать на развод.

Благородное лицо свекрови на миг окаменело. Но она быстро пришла в чувство.

– Знаешь, Юля, мой тебе совет, не делай поспешные выводы. Тим рассказал мне об этом. Слава богу, у нас доверительные с ним отношения. Но ты не задумывалась, почему мужчина нуждается в сексуальных утехах на стороне? Ты не пробовала допустить, что проблема не в нём, а в тебе? Знаешь, есть специалисты, к которым можно обратиться и они помогут найти корень проблем в ваших отношениях. Кстати, я знаю хорошего психолога и могу записать тебя на приём. Возможно, пройдя курс его сексуального раскрепощения, ты сможешь сделать так, чтобы ваша жизнь заиграла новыми красками. Пойми, дело вовсе не в измене мужа, а в тебе. Понимаю, что жизнь у тебя была несладкой. Тиму, конечно, повезло больше. Мы с Аркадием Евгеньевичем приложили все силы, чтобы дать ему всё для развития. Потому он и вырос таким свободолюбивым. Но это и хорошо. Он же мужчина, – речь свекрови лилась нескончаемым потоком и я начала терять терпение.

– Простите, Галина Максимовна, – я поморщилась от боли в висках. – Я понимаю, о чём вы говорите, не маленькая. Возможно, вы правы, не исключая. Но ломать себя под... – я сглотнула, подыскивая слова, чтобы не показаться "рыночной торговкой", так свекровь называла несдержанных женщин. – Под его предпочтения я не намерена. Пусть я буду в ваших глазах дикой провинциалкой. Уж какая есть, простите, – я старалась говорить спокойно, но голос предательски подрагивал. Я не поднимала на неё глаз, разглядывая моро-

женое. Оно потеряло упругость и образовало молочную лужицу. Это почему-то сильно расстроило. Я не любила талое. В носу давно свербило, а в горле нарастал комок. – Но быть одной из его гарема я больше не намерена. Поэтому простите, что не оправдала ваши ожидания, но я к нему не вернусь, – закончила я и, прикусив губу, посмотрела в окно, чтобы отвлечься и не дать пролиться слезам.

– Вот как... – проговорила свекровь зловеще. – Овечка решила примерить волчью шкурку? Ладно! Только запомни, дорогая Юля, наша фамилия больше не станет тебе открывать двери в мир влиятельных людей и больших возможностей. Я умею дружить с людьми. Но и зло помню хорошо. Хочешь нас опозорить? Не выйдет! – миловидное лицо Галины Максимовны исказила надменная гримаса. – У тебя не получится очернить имя моего сына. Хотела быть самостоятельной? Пожалуйста! Только теперь тебя не только в ведущие клиники, – она махнула рукой официанту, показывая, что хочет рассчитаться, – в районную больницу санитаркой не возьмут! Я оплатила твоё обучение, я и сделаю так, что диплом тебе больше не пригодится.

Я на время потеряла дар речи.

Пока та рассчитывалась, я приходила в себя.

– Галина Максимовна, я не знаю, почему вы так разнервничались, – попыталась я смягчить её выпад, когда официант ушёл. – Если я не подхожу вашему сыну, так в чём про-

блема? Мы расстанемся, и Тимур найдёт ту, с которой всё у него будет хорошо. С чего вы решили, что я собиралась чернить вас или его? Я совсем не...

– Хватит, Юля! Поздно расшаркиваться. Я тебя предупредила. У тебя есть время до вечера подумать. Не вернёшься сегодня к мужу, пеняй на себя, – она подхватила сумочку и, вздёрнув подбородок, с достоинством понесла себя к лестнице.

Глава 22. Свекровь держит слово

– Юль, что у тебя происходит в последнее время? На тебе лица нет... – всплеснула руками Ирина, войдя в ординаторскую. Я печально посмотрела на неё, не зная, как на ходу можно пояснить всю ту мерзость, что со мной происходит в последние дни.

Ира была единственной во всём коллективе, с кем можно было поговорить по душам и не услышать обратку от кого-то другого с изменёнными подробностями. Она была старше меня и успела дважды побывать замужем.

Я заметила, что влюблялась она довольно часто, и каждый раз считала, что "Он" тот самый. А затем наступало дикое разочарование. В чём была причина её неудач, для меня оставалось пока загадкой. Вроде бы и хорошенькая, и не глупа...

– Ой, Ириш, потом как-нибудь... Тут в двух словах и не расскажешь, – вяло махнула я рукой, рассеянно перекладывая с места на место документы и вспоминая, что хотела сейчас с ними сделать.

После встречи со свекровью я действительно чувствовала сегодня настолько подавленной, словно из меня выкачали всю энергию. Несмотря на предупреждение, к Тимуру возвращаться я не собиралась. Но её угрозы настолько ввели

меня в шоковое состояние, что я места себе не находила весь вечер, да и ночью глаз не сомкнула.

Жанну своими страхами грузить не хотелось, поэтому лишь вкратце озвучила суть полученного ультиматума. Той хватило и того малого, что я ей рассказала, чтобы испугаться.

"И что ты решила? Может, тебе и в самом деле попробовать помириться с мужем? Может, он осознал и у вас всё наладится?" – взволнованно закидала она меня вопросами.

Я ответила, что не верю в такие перемены: скорее всего, он на некоторое время притихнет, а потом будет лучше шифроваться. Мне не хотелось признаваться, что боюсь теперь его. Это раньше я думала, что он так дорожит мной, что контролирует каждый шаг. И сексуальные его закидоны терпела, потому что любила. Думала, что это нормально. Теперь же испытывала к нему стойкое отвращение. Поэтому даже представить себе не могла, чтобы снова оказаться с ним в одной квартире.

– У тебя что-то со Свиридовыми не так? Ты чем-то рассердила свекровь? – неожиданно спросила Ирина, глядя на меня с сочувствием.

– Ты с чего взяла? – вспыхнула я, ещё не понимая к чему этот вопрос.

– Слушай, Юль, я сегодня возле кабинета Воронцова проходила и, случайно услышав твоё имя, остановилась. Он по телефону разговаривал... – она помялась.

– Ира, что за дурацкая привычка, сказав "А", замолкать, – раздражённо прошипела я, чувствуя, как сердце отчаянно бухает в горле, после её слов.

– Ну, я толком ничего и не поняла, – попыталась выкрутиться она.

– Хватит юлить, говори, что слышала! – прикрикнула я на неё.

– Я остановилась, когда он переспросил кого-то: "Юлию Львовну?", – она постаралась изобразить манеру Воронцова сводить на переносице брови. – Потом он сказал: "Да, Галина Максимовна, я хорошо помню, чем вам обязан." С того и решила, что он со свекровью твоей общается. А потом он довольно долго молчал, и я уже решила, что разговор закончен. Хотела уже уйти, пока никто не засёк, что стою под дверью... – она с сочувствием посмотрела на меня.

– Да говори ты уже, – вздохнула я, понимая, что свекровь зря слова на ветер никогда не бросает.

– Потом он воскликнул: "Уволить?" И видно было по голосу, что он сам в шоке от услышанного. Потом я услышала шаги, подумала, что он направился к двери и быстренько пошла в сестринскую... – она замолчала, ожидая от меня комментария. Но у меня их не было.

– Юлия Львовна, – приоткрыла дверь Марина, – Белова

уже десять минут ожидает вас возле перевязочной, вы про неё не забыли? – она окинула нас Ирой осуждающим взглядом. Её официальный тон красноречиво указывал на то, что она так и не простила мне тот мой выпад в день, когда меня всё достало и я собиралась уволиться.

– Спасибо, что напомнили, Марина Владимировна, уже иду, – ответила я, вспомнив, зачем я собиралась просмотреть документы, разложенные на столе.

– Поторопитесь, потому что после перевязки Илья Александрович просил зайти к нему, – отчеканила та, словно была личным секретарём Воронцова, а не администратором клиники.

– Ну всё, – проговорила я, подождав, пока та выйдет. – Кажется, моя карьера в пластической хирургии, закончится не начавшись...

– Да подожди ты переживать раньше времени, – попыталась успокоить меня она. – Может ещё обойдётся. Позвони свекрови, скажи что... Короче, не знаю, что там у вас произошло, но тебе надо сейчас признаться во всех грехах, даже если ни в чём не виновата и попросить у неё прощения. Да-да! – поймала она мой свирепый взгляд. – А ты, как, Юля, думала? С такой свекровью ссориться себе дороже...

– Ладно, Ира, спасибо за поддержку, но мне и в самом деле надо идти, – вздохнула я и поплелась в перевязочную. Ире в сестринскую было со мной по пути, и она шла следом.

Япустила пациентку в кабинет, когда заметила в конце коридора незнакомую брюнетку. Женщине было за тридцать, но выглядела она так, словно сошла с обложки модного журнала ELLE.

– Это что за красотка? – вслух выразила я свой интерес.

Ирина проследила за моим взглядом и пожала плечами:

– Так это же жена Воронцова, Вероника. Ты что первый раз её видишь? – удивилась она. – Ах - да! Ты ж тут без году неделя... В общем, давай, Юль, не унывай и позвони обязательно свекрови. Такие любят, чтобы к ним на поклон приходили... Подуется для видимости, да и простит... – она пошла дальше по коридору, а я в полном недоумении от услышанного захлопнула дверь перевязочной.

Упражняться в извинениях начала с пациентки, потому что у той из глаз только что молнии не вылетали. Потом ублажала её, рассыпаясь в комплиментах, по поводу её обновлённого носика и только заметив, что та смягчилась, облегчённо выдохнула.

Мне сейчас только жалобы её не хватало для полного счастья...

Часы на стене возвещали, что рабочий день подошёл к концу, и я вспомнила, что собиралась позвонить знакомой в клинику Свиридовых, чтобы узнать, как сегодня работает

Тимур. Насколько я помнила, он обычно по пятницам оставался после вечернего приёма дежурить в стационаре. Это был единственный день, когда можно было съездить на квартиру и забрать, наконец, свои вещи.

Уделив Беловой максимум внимания, дождалась, пока она одарит меня улыбкой и с тяжёлым сердцем отправилась к Воронцову.

Во всех свалившихся на меня бедах, известие о его жене почему-то задело сильнее всего.

"И почему я посчитала, что он не женат?" – недоумевала я.

А ещё больше я была озадачена, отследив в себе такую реакцию на сообщение.

"Что-то ты Юля, из огня да в пламя... – проворчала во мне какая-то слишком рассудительная ипостась. – Не смей даже думать! В твоей жизни и без него бог знает что происходит, не хватало ещё безответной любви к деспотичному узурпатору".

Глава 23. Паранойя

Потянула ручку вниз, но дверь его кабинета оказалась закрыта. На всякий случай постучала, хотя понимала, что в кабинете его быть не может. Воронцов дверь запирает, только когда уходит домой.

Посмотрела на часы, размышляя, что делать. Если он ушёл, то я тоже была свободна. Но находиться в подвешенном состоянии до утра не хотелось.

"Я же снова спать не буду, – накручивала я себя. – Уж лучше горькая правда об увольнении, чем неизвестность", – почувствовав лёгкую тошноту и головокружение, прислонилась к двери. Вспомнила, что не стала обедать, чтобы не сидеть с коллегами с унылым видом. Обязательно начались бы расспросы и подкалывания. А после перекусить было некогда.

Услышала позади щелчок и едва успела отскочить, как дверь приоткрылась.

– Свиридова? Ах да... – потёр он переносицу, что-то соображая. А я, пока он выходил, в щель приоткрытой двери успела заметить, как та красотка, его жена, разлеглась на диване. Блузка была распахнута, выставляя на обозрение обнажённую грудь. Воронцов заметил мой взгляд и прикрыл

дверь. – Сегодня уже поздно, идите домой, Юлия Львовна. До понедельника вас дёргать в клинику я не буду... – по его официальному тону я поняла, что дела мои совсем плохи, но продолжала стоять.

Больше всего меня задел не сухой его тон, а испарина на покрасневшем лице.

"Неужели вам дома времени мало заниматься любовью", – уныло подумала я, совсем не слушая его. Мне и так всё было понятно.

– В понедельник подойдите к половине девятого, – услышала я последнюю его фразу и, не попрощавшись, побрела в комнату для персонала.

Девчонки уже разбежались кто домой, кто по рабочим местам и я, всхлипывая от нахлынувшей обиды, не спеша переделась.

Когда Воронцов фамильярно обращался на "ты" и Свиридова, мне всегда резало слух. А сейчас до слёз задело его "вы" и Юлия Львовна, словно он уже отгородился и от меня, и от проблем, связанных с нерадивой родственницей влиятельных Свиридовых.

Промокнув глаза салфеткой, помахала в глаза, понимая, что пока дойду до машины, запросто встречу кого-нибудь.

Совсем не хотелось, чтобы видели меня в таком состоянии.

Вспомнив, что хотела позвонить Ирине, моей одногруппнице, которая устроилась в клинику Свиридовых терапевтов, прошла на кухню. Включив чайник, набрала её номер. Ира не ответила, скорее всего, была занята.

Подождала, пока вскипит и залила чайный пакетик кипятком.

Телефон завибрировал.

– Иришка, привет! – придала я голосу бодрое звучание.

– Привет, Юлька! Как жизнь? Ты там ещё не зам. Воронцова? – жизнерадостно частила она.

– Нормально, – ответила я. – Слушай, Ириш, я сегодня хотела на день рождения к подруге зарулить, а Тим не любит, когда хожу куда-то без него... В общем, ты не можешь потихому узнать, он сегодня дежурит или нет? И до которого часа на приёме. А то придёт – меня нет, будет потом нудить...

– Ладно, понимаю, можешь не расписывать дальше, – хотнула та. – Мой тоже, на работу привезёт, с работы заберёт, будто по пути домой могу потеряться... – я представила, как Иришка сейчас накручивает на пальчик выбившуюся из-под заколки прядь. Она всегда так делала, когда разговаривала. – Щас, всё выведаю и отзвонюсь. Жди!

Пока дождалась, успела попить чай, закидываясь сушка-

ми и полусухой зефиркой.

Её звонок застал меня на крыльце клиники.

– Да, Ириш!

– Ну, можешь спокойно идти куда хочешь. Тимур твой тут до утра.

– Ира, ты уверена, что Тим дежурит? Не получится, что он явится домой? – зачем-то уточнила я.

– Да точно, точно! Я сама и график посмотрела и в стационар заглянула. Спросила невзначай, кто ночью дежурит...

– Спасибо! Выручила! – обрадовалась я.

"Хоть что-то срослось!" – ликовала я, выезжая со стоянки.

Была опаска, что Тим сменил замок, поэтому облегчённо выдохнула, когда ключ подошёл.

Дома не была всего несколько дней, но с порога почувствовала, что квартира уже чужая. Стоял тяжёлый, спёртый запах нежилого помещения.

Захлопнула дверь. Разуться даже в голову не пришло. Всё выглядело так, будто с моим уходом жизнь здесь приостановилась.

Цветы поникли. Видно, муж не ухаживал за ними. Сходила за лейкой и в первую очередь их полила. Задумалась, что делать с ними. Если оставлю, то Тим, видимо, ухаживать за

ними не станет. Решила, что лучше их тоже забрать.

Достала из антресолей чемодан, засунула обратно хранившуюся в нём ненужную одежду и, открыв шкаф, стопочками покидала туда бельё и сезонные вещи. Вспомнила про документы, методично рассортировала, откладывая свои, забрала свой альбом и задумалась возле книжного шкафа, не зная, что делать с кипой конспектов и справочников, которые ещё могли пригодиться. Если всё это забирать, то нужна верёвка, чтобы перевязать их стопочками. Пришлось в ванной срывать бельевую, натянутую под потолком.

Перебрала и перевязала только необходимые. Пока возилась на корточках, вся упарилась. Решила выйти на балкон. С наслаждением вдохнула амбре майского вечера и в последний раз окинула взглядом ставший за несколько лет родным двор. С высоты четвёртого этажа он был словно на ладони. Показалось, что припаркованная внизу машина похожа на Subaru Forester мужа. По спине пробежал холодок, но одёрнула себя, что пуганая ворона куста боится.

"Вот ты, Юля, параноик! Иди уже, чемодан тащи в машину", – подбодрила я себя.

– Ну, здравствуй, жена! – меня словно током ударило. Я, словно воришка, застигнутый на месте преступления, втянув голову в плечи, медленно оглянулась и обомлела...

Глава 24. Птичка в клетке

В дверном проёме балкона с насмешливой ухмылкой на лице стоял Тим. Я отпрянула, но наткнулась на подоконник и в ужасе замерла, пытаясь сообразить, как выйти теперь из квартиры.

– Что, птичка, хотела по-тихому сфинтить? Думала вот так просто, попользовалась мной, пристроилась в Москве, а потом просто уйти? Не на того напала, малышка... – прорычал он, злобно щурясь. – Это я раньше вёлся на твои невинные глазки, умело ты прикидывалась Фиялкой – он издевательски хмыкнул. Слабая надежда на то, что он меня отпустит, таяла с каждым его словом. – А теперь, дорогая жёнушка, ты сначала отработаешь всё, что в тебя вложено, а потом я решу, отпустить тебя или оставить себе. Вдруг тебе понравится, а? – он цинично ухмылялся. Я с ужасом понимала, что таким я его никогда раньше не видела. Передо мной стоял Тим, но с чужим холодным взглядом, от которого душа ушла в пятки. Я теперь понимала, как это происходит. Потому что только в них сосредоточилось покалывающее восприятие, а тело словно сковало льдом.

Я с ужасом следила за ним. И когда он ухватил за руку,

из меня вырвался нечеловеческий крик. Видимо, так кричит пойманное хищником животное.

Он резко дёрнул на себя, заламывая руку, а я что есть силы упёрлась свободной рукой в косяк:

– Па-ма-ги-тии! Аааа... Пус-тии гад! – упиралась я что есть силы, не замечая боль. – Ма-ма-ааа... – это последнее. Потом был удар поддых, и я согнулась, не в силах не только кричать, но и дышать.

Он, не обращая больше внимания на то, что я, вытаращив глаза, не могу вдохнуть, обхватил под грудью и волоком вытащил с балкона.

– О, как удачно, даже верёвку искать не надо! – пробормотал он, распаковывая сложенные на полу тетрадки.

Я судорожно пыталась вспомнить, где мой телефон.

"Скорее всего, на столе... Сейчас надо отвлечь его. Последний вызов делала Ире. Она, конечно, ничего не поймёт, но попробовать можно".

– Тим, не надо верёвок, пожалуйста. Давай без них... – я медленно поднялась на ноги, избегая прямо смотреть на телефон.

– О как! – весело откликнулся он, но в его голосе совсем не было участия. – Сама, значит, решила быть послушной? Что ж... – у меня даже сердце замерло в ожидании. – Потом посмотрим. Но собачку сначала нужно приучить к поводку.

Видно, плохо я тебя воспитывал, раз посчитала, что можешь вот так запросто взять и уйти, – он дурашливо хлопнул в ладоши и...

"О боже! Только не это!" – простонала я про себя, наблюдая, как он берёт со стола мой телефон и снимает блокировку, чертя пальцем фигуру кода.

– Так-так! А я то думал, как моя птичка решилась в сети впорхнуть? А у неё, оказывается, агент в нашей клинике имеется! – ухмылялся он, просматривая звонки. – Наивная! Но тебе к лицу. Мне нравятся Фиалки с невинными глазками и пухлыми губками. Заводят, знаешь ли, лучше любой виагры. Ну, да ладно... Не будем время терять. У нас с тобой всего, – он вскинул вверх глаза, шевеля губами. – Шестьдесят два часа на эксперименты. Потом, любимая, придётся мне уехать поработать, а твоего злого начальника оповещу, что ты заболела, а потом видно будет, как нам дальше быть...

Я с тоской прокручивала все варианты, вызывая в помощь Ангела-Хранителя и всех богов, каких помнила. С детства уяснила, что в любой ситуации, главное, не падать духом.

Как-то играли в прятки у бабушки, и я спряталась в подвал, а она, чтобы мы не лазали куда ни попадя, закрыла его, не зная, что я там. Я просидела в полной темноте несколько часов, пока меня не хватились, и бабушка не догадалась схо-

дить в пристройку. Я тогда сначала сильно паниковала, плакала, кричала. Потом поняла, что никто не слышит и как-то взяла себя в руки. Стала с собой разговаривать, успокаивать и пришла в рассуждениях к выводу, что бабушка в подвал ходит каждый день с утра. Поэтому в худшем случае, мне придётся здесь задержаться. Тогда стала на ощупь обследовать помещение, вспоминая, где, что лежит. В итоге нашла там старый тулуп и, завернувшись в него, уснула...

Вот и сейчас я лихорадочно соображала, с какой стороны могу рассчитывать на помощь.

Первое, это Жанна. Я предупреждала, что собираюсь захватить за вещами, если Тим будет дежурить. Скорее всего, она позвонит, чтобы узнать, где я так долго. На неё у меня и была главная надежда. Хотя понимала, что подруга так до конца и не поверила, что я ушла от мужа не для того, чтобы поиграть у него на нервах. Поэтому, кто знает, чего от неё ожидать. Решит, не дай бог, что мы помирились и из деликатности не станет тревожить.

Кто ещё? Я с тоской поняла, что больше надеяться-то и не на кого. Со Светкой после встречи в кафе не созванивались. У неё голова была забита своей проблемой. Я ей ещё в кафе высказала своё мнение, а больше помочь ничем не могла. Поэтому и своими проблемами ей голову забивать не

хотелось.

– Что притихла? Иди сюда, цыпочка, я тебе браслетики одену, – он надвигался на меня, а я в панике отступала озираясь. Но там, куда я пятилась, был только вход в спальню.

Молнией пронеслось в голове: "А что, если..." Я в два прыжка проскочила за дверь и толкнула её, что есть сил, чтобы захлопнуть. Но она не закрылась, что-то мешало. Я налегла на неё всем своим весом, но опустив взгляд к полу, поняла, что муж успел просунуть ногу в ботинке. Широкая плотная подошва с лёгкостью защищала его ногу от сдавливания.

– Па-ма-ги-те! Пожар! Гори-им! – что есть силы закричала я, вспомнив, что слышимость у нас в квартире хорошая. По крайней мере, звуки работающего телевизора от соседки доносились чётко.

В следующий момент дверь распахнулась и я отлетела от неё, завалившись на край кровати.

– Заткнись! – рывкнул Тим, подскакивая ко мне и зажимая ладонью рот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.